

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 22

Выходит еженедельно (52 № в год), съ приложениемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 4-го июня 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1 года 2 р.

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложения“ за июнь 1905 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ЮНІЮ 1905 г. съ 27 рис. и отдѣльн. листь съ 31 черт. выкр. въ натур. велич. и 23 рис. рукодѣльныхъ работъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1905 г.

Безъ достав-ки въ Петербургъ . . .

6 р. 50 к.

Безъ доставки въ МОСКВУ въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскій линіи.

7 р. 25 к.

Безъ доставки въ ОДЕССУ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12.

7 р. 50 к.

Съ достав-кою въ Петербургъ . . .

7 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи. . .

8 р.

За границу. 12 р.

Волченокъ.

Повѣсть

П. П. Гнѣдича.

(Продолженіе).

XVI.

Когда Буровъ уѣхалъ, Андрей Ивановичъ, проводивъ его до прихожей, воротился въ кабинетъ. Онъ засталъ брата внимательно разсматривающимъ образъ.

— Я, Андрей, не люблю тебя, какъ художника,—сказалъ онъ:—но эта вещь очень хороша. Къ тебѣ можно примѣнять старую нѣмецкую поговорку: «и слѣпой голубь иногда зерно найдетъ».

Въ другое время, быть-можетъ, такое замѣчаніе взбѣсило бы Андрея Ивановича, но теперь его голова была занята рядомъ совершенно иныхъ мыслей.

— У тебя есть нѣсколько минутъ времени посидѣть у меня?—спросилъ онъ брата.

— Пожалуй, четверть часа найдется.

Художникъ сѣлъ противъ брата и, сдѣлавъ неопредѣленный жестъ по направленію къ картинѣ, спросилъ:

— Откуда онъ у тебя?

— Кто? Петръ?

— Да.

Его привелъ ко мнѣ нашъ племянникъ Троцкий. Онъ говоритъ, что и у тебя былъ, но ты отказался отъ мальчишки.

— Это тотъ, что присталъ къ нему на улицѣ?

— Ну, да. А что, похожъ?

Петръ Ивановичъ прищурилъ одинъ глазъ, дожидаясь отвѣта.

— Мало того, что похожъ...

— И зовутъ Петромъ?..

— Нѣтъ, есть еще одна вещь. Или это чертовское совпаденіе... или...

— Въ чемъ же дѣло?

— У него подъ лѣвой лопаткой маленькая черная родинка.

Въ Портъ-Артурѣ. Разгромъ 6-го госпиталя. Верхній коридоръ.
По фот. подполковника Я. Цишко, авт. «Нивы».

— Ну?

— Ну... И у нея была такая же... У жены.

Петръ Ивановичъ покрутилъ головой.

— Да, это я тебѣ скажу... — проговорилъ онъ.

— Вчера онъ такъ быстро убѣжалъ отъ меня, — продолжалъ Андрей Ивановичъ: — что я не успѣлъ его задержать и разспросить. Онъ откуда?

— Изъ какой-то приморской деревушки.

— Весьма возможно... Теперь скажи, что же мнѣ дѣлать?

Петръ Ивановичъ поднялъ брови.

— Меня ты удивляешь своимъ вопросомъ, — сказалъ онъ. — Ты двѣнадцать лѣтъ не думалъ и не вспоминалъ о сынѣ, вычеркнувъ его изъ своей памяти, рѣшилъ, что ты человѣкъ бездѣтный. Продолжай имъ оставаться. Это гораздо удобнѣе, чѣмъ взваливать себѣ на шею воспитаніе какого-то волченка.

— И онъ будетъ у тебя служить?

— Я изъ него сдѣлаю превосходнаго лакея, онъ будетъ подавать тебѣ калоши, если ты будешь прѣзжать ко мнѣ, будетъ ходить къ тебѣ съ записками отъ меня. По большимъ праздникамъ ты можешь давать ему цѣлковый. Въ концѣ-концовъ, взаимными усилиями мы сдѣлаемъ изъ него, ты — изъ сына, я — изъ племянника, — превосходнаго человѣка.

— А если я возьму его въ домъ, какъ сына? — спросилъ Андрей.

— Это будетъ единственный порядочный поступокъ, какой ты только можешь сдѣлать въ данномъ случаѣ, — спокойно сказалъ докторъ.

— Но ты мнѣ не совѣтовалъ сразу сдѣлать это?

— Такихъ вещей не совѣтуютъ: когда вопросъ идетъ о долгѣ, совѣтъ излишенъ.

— Значить, я его беру сюда.

— Предупреждаю, онъ тебя терпѣть не можетъ.

— Почему? Я ему ничего не сдѣлалъ дурного?

— Голосъ крови. Я вѣдь ни въ какіе голоса крови не вѣрю и говорю это въ ироническомъ смыслѣ. Я вполне убѣжденъ, что онъ твой сынъ, и что при всемъ этомъ онъ не только не чувствуетъ никакихъ таинственныхъ узъ, связывающихъ тебя съ нимъ, но просто-напросто боится тебя. У тебя вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, видъ какого-то инквизитора. У иныхъ людей есть такое чортово свойство: пугать окружающихъ. Я помню, когда мы ребятами были, ты всегда умѣлъ достать самую безобразную маску, чтобъ меня напугать, а я, какъ младшій братъ, какъ дуракъ, думалъ, что ты въ самомъ дѣлѣ переряжаешься въ чорта, и что ты сродни ему. Теперь ты масокъ не надѣваешь, но когда захочешь, лицо твое дѣйствительно дѣлается какъ у дьявола. Ты думаешь, это очень хорошо, а это очень скверно. Минутное влстительство надъ слабыми, несчастными душами, неуто ужъ это такъ интересно, что стѣнитъ изъ-за этого жертвовать тѣмъ, что все-таки въ тебѣ есть: частицей свѣтлой правды?

Андрей опять что-то хотѣлъ сказать брату, но опять сдержался и стиснулъ себѣ руками виски.

— Я никогда не понималъ людей, — продолжалъ Петръ Ивановичъ: — людей, которые, получивъ власть надъ другими, вдругъ вырастаютъ на цѣлый аршинъ и начинали разыгрывать роль полководца. Ихъ ломанье надъ слабыми и обездоленными — гнусная черта и, я знаю, въ тебѣ она есть. Ты способенъ смотрѣть съ презрѣніемъ на отца, на мать, только потому, что они тупѣе тебя. Помнишь нашу семью? Мать была глупа, отецъ — тупой офицеръ, но простой и честный. Помнишь, какъ ты ломался надъ ними, когда получилъ золотую медаль? Они — чернь, сѣрость, мелкота, а ты — талантъ, сила, мощь! Они были для тебя что-то немного побольше натурщиковъ. Ты съ презрѣніемъ относился къ младшему брату, который корпѣлъ въ гимназій надъ латынью. А я, этотъ младшій братъ, думалъ: я вотъ буду докторомъ, великимъ уче-

нымъ, а Андрюшка — жалкимъ мазилкой. Время уравнило насъ: я, вмѣсто великаго ученаго, сталъ несчастнымъ лѣкаришкой, а ты — несчастнымъ маляромъ? Мать и отецъ умерли. Я надъ ними плиты положилъ. Да и могилы — вздоръ. Не надо могилъ. Лучше всего — прахъ бросить въ воду. И ты и я, все мы будемъ этимъ жалкимъ прахомъ, грязью. И охота тебѣ этой грязи придавать значеніе, да еще требовать, чтобъ тебя звали нашимъ превосходительствомъ.

Андрей отнялъ руки отъ висковъ.

— Ты мнѣ когда приплешь сына? — спросилъ онъ.

— Ты не слышалъ, что я говорилъ? — спросилъ братъ.

— Нѣтъ. Такъ приплешь сегодня?

Петръ Ивановичъ всталъ.

— Хорошо, пришло. Ну, а если онъ не пойдетъ?

— То-есть какъ не пойдетъ?

— Да такъ... Вѣдь мы его считаемъ своимъ, а онъ насъ своими не считаетъ. У него даже паспорта нѣтъ.

— Объ этомъ я позабочусь.

— Позаботься. А то — законный безпаспортный сынъ, это явленіе довольно рѣдкое.

— Ты его пришли, скажи, что онъ останется ночевать. А я обдумаю, какъ принять его.

— Обдумай. Только трудно тебѣ будетъ.

— Отчего?

— Оттого, что поздно волчатъ воспитывать, когда имъ тринадцать лѣтъ.

— Все-таки, ты пришли.

— Хорошо, — сказалъ Петръ.

По отбѣздѣ брата, Андрей Ивановичъ крикнулъ мальчика и сказалъ, что онъ цѣлый день никого не принимаетъ.

Онъ поднялся на антресоли, гдѣ у него находился огромный складъ холстовъ и папокъ. Все это было въ пыли, такъ какъ прислугѣ было запрещено касаться этого мѣста. Тутъ были рисунки, сдѣланные болѣе тридцати лѣтъ назадъ тѣмъ же Андреемъ Ивановичемъ, когда онъ, гладенькимъ мальчикомъ, посѣщалъ классы академіи. Въ отдѣльной папкѣ лежали Аполлоны Бельведерскіе, Венеры Милосскія, Апоксиомены, Юпитеры, Люціи Верры, вся та академическая труха, надъ которой онъ бился столько лѣтъ, сился выработать пріятную тушевку; потомъ тутъ шли этюды съ натурщиковъ, — съ того самаго Тараса, котораго столько разъ писали въ видѣ Авраама, Бога Саваова и Зевса. Потомъ шли его программные эскизы, изображавшіе «Превращеніе Актеона», «Вѣнчаніе Михаила Феодоровича на царство», «Самсона и Далилу», — словомъ, такіе сюжеты, которые были совершенно чужды и настроенію и способностямъ молодыхъ художниковъ. Далѣе шли работы, сдѣланныя за границей. Тутъ иногда какъ будто свѣтилось солнце; въ иныхъ вещахъ, особенно набросанныхъ наскоро, былъ прямо талантъ. Тамъ, гдѣ художникъ не заботился о красотѣ академическихъ линій, не думалъ объ условной композиціи, а старался быстро и непосредственно набросать заинтересовавшій его предметъ, — тамъ изображеніе было живо и образно. Онъ самъ залюбовался свѣжестью нѣсколькихъ волотенъ и даже громко спросилъ:

— Да неужто это я?

Къ этому же періоду относится нѣсколько талантливыхъ вещей его товарищей по конкурсу, гораздо болѣе талантливыхъ, чѣмъ онъ. Онъ не любилъ этихъ эскизовъ и держалъ ихъ на антресоляхъ, потому что вообще не любилъ никакихъ конкурентовъ. Онъ и теперь небрежно отшвырнулъ ихъ въ сторону, хотя зналъ, что любители-коллекціонеры дорого дали бы теперь за эти наброски, съ которыхъ впоследствии написаны были большія вещи. Весь въ пыли, онъ переставлялъ подрамники, отбрасывалъ свертки ватманской бумаги, наступалъ на рисунки, продавливалъ каблукками холстъ и торопливо разыскивалъ то, о чемъ онъ думалъ напролетъ всю минувшую ночь.

Наконецъ, онъ нашелъ, въ самомъ низу, у стѣны, довольно большой холстъ, откуда, изъ-подъ густого слоя пыли, глянула длинная бѣлая фигура. Какъ разъ на самомъ лицѣ скопилась пыль, грязь и паутина. Андрей Ивановичъ осторожно поднялъ холстъ и понесъ его внизъ. Онъ шелъ, и отъ холста тянулись пыльные нити. Точно изъ склепа вынесли старый гробъ, съ полустлѣвшимъ саваномъ, подъ которымъ невредимо сохранилось чье-то дорогое тѣло.

Онъ намочилъ губку въ теплую воду. Вытеръ сперва сухой тряпкой. Потомъ осторожно началъ оттирать, вершокъ за вершкомъ, густые слои грязи. И какъ на фотографическомъ негативѣ, когда его проявляютъ, начинаетъ проступать постепенно то глазъ, то носъ, то рука, и спадаетъ налетъ сѣрой дымки, покрывающей стекло, такъ и тутъ постепенно выходила и оживала изъ-подъ туманнаго савана молодая дѣвушка съ черными глазами.

Онъ поставилъ портретъ передъ собой,—и впервые, послѣ долгихъ лѣтъ, строго и внимательно припомнилъ, какъ все это случилось,—что оставило такой тяжелый и неизгладимый слѣдъ на его жизни.

XVII.

Дѣло происходило такъ.

Лѣтъ пятнадцать назадъ, Андрей Ивановичъ получилъ неожиданный заказъ. Одна свѣтлѣйшая княгиня отдѣлывала заново свою домашнюю церковь и захотѣла непременно, чтобъ запрестольнымъ образомъ у нея была копія съ рафаэлевскаго «Преображенія». Всѣ единогласно указали на Андрея Ивановича, котораго считали (да и самъ онъ себя считалъ) весьма немногимъ ниже Рафаэля. Такъ какъ свѣтлѣйшая получала нѣсколько миллионъ годового дохода, то вопросъ о томъ, чтобы оплатить профессорскую поѣздку въ Римъ и обратно, прожитье его тамъ въ теченіе полугода и вознагражденіе за всѣ убытки, что онъ понесетъ, бросивши въ Петербургъ свою практику,—всѣ это вопроса не составило, и Андрей Ивановичъ, позвякивая рѣдкимъ въ то время золотомъ, отправился въ Италию.

Онъ жилъ въ Римѣ пенсіонеромъ академіи въ началѣ пятидесятихъ годовъ, и съ тѣхъ поръ тамъ не былъ. Теперь онъ уже ѣхалъ не на пароходѣ на Штетинъ, какъ тогда, а по желѣзной дорогѣ, только-что открывшейся до Варшавы. Тѣсные, низкіе вагоны перваго класса казались тогда послѣднимъ словомъ цивилизаціи, а тридцать верстъ въ часъ—головокружительной быстротой. Андрею Ивановичу думалось, что онъ владѣтельный принцъ, путешествующій инкогнито. Онъ остановился въ Вѣнѣ, и хотя не зналъ ни слова по-нѣмецки, но каждый день посѣщалъ театры и терпѣливо высиживалъ до конца спектакля. Онъ долго стоялъ передъ соборомъ Стефана, щуря то одинъ глазъ, то другой, заходя со всѣхъ сторонъ и давая чувствовать прохожимъ, что онъ ученый иностранецъ, удостоивающій своимъ изученіемъ столицу Австріи.

Римъ встрѣтилъ его скучнымъ, мелкимъ дождемъ. Ему онъ показался далеко не такимъ, какимъ былъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ, когда онъ смотрѣлъ на него восторженными глазами молодого художника, обязаннаго восхищаться потому уже, что онъ сюда посланъ на казенный счетъ. Краски какъ-то слиняли и потускли, грязь, которой онъ не замѣчалъ прежде, проступила изъ каждаго закоулка. Въ черномазыхъ лицахъ онъ не видѣлъ знойнаго юга и страстной нѣги полудня: на него смотрѣли хитрые плутоватые глазки итальянца—ловкаго, хитраго, лѣниваго, то уничижающагося, то наглаго. Андрею Ивановичу казалось, что его по ошибкѣ привезли въ другой городъ. Очевидно, съ него стерся тотъ налетъ юности, который все окрашивалъ въ радужныя цвѣта. Тогда, въ эпоху Гололя и Брюллова, молодежь искусственно воспитывали въ культѣ поклоненія красотамъ Италиі. Хотя дальше изображеній заурядныхъ

итальянокъ съ гладкими прилизанными помадой волосами художники не шли, и всѣ пейзажные красоты Рима ограничивались на ихъ картинахъ густою синькой, изображавшей небо, и яркой мышьяковой зеленью, изображавшей деревья, тѣмъ не менѣе, художники рвались туда. Съ первыхъ шаговъ ихъ занятій въ академіи, имъ навязывалась одна идея: «въ Италію, въ Италію, въ Италію!» Они писали съ голыхъ натурщиковъ и съ прихотливо положенныхъ тканей, и ихъ лозунгомъ было—не передать натуру, а понравиться своей манерой письма профессорамъ, чтобы тѣ дали о нихъ похвальные отзывы и, въ концѣ концовъ, отправили въ Римъ. Профессора открывали имъ тайны великаго искусства и со слезами на глазахъ говорили:

— Великій Рафаэль, великій Пуссэнь,— вотъ два столба искусства! Старайтесь возможно ближе подойти къ нимъ. Не пишите узкихъ картинъ въ длину, не пишите узкихъ картинъ въ вышину. Пишите квадратные холсты. Пуссэнь любилъ квадратные холсты,—любите и вы ихъ. Когда пишете съ натуры, умѣйте видѣть не натуру, а то, что вы хотите видѣть. Не замѣчайте уродства, наблюдайте одно благообразіе. Даже если вы должны изображать что-нибудь безобразное, то и тогда старайтесь найти въ немъ нѣчто благородное. Вамъ дали изобразить упившагося патриарха Ноя. Изобразите въ спящемъ старикѣ томленіе тяжелаго сна, муку внутренняго провидѣнія надругательства собственного сына. Въ надсмѣхающемся Хамѣ дайте черты идеальной чувственной красоты, дабы порокъ, облаченный въ изящную оболочку, выступилъ еще рельефнѣе. Не смотрите на голландцевъ и фламандцевъ: это грубо, тяжело, грузно. Старайтесь совершенствоваться въ технику, и вы увидите великую Италію.

Что будетъ въ этой землѣ обѣтованной, въ этой Италиі, того не зналъ ни одинъ ученикъ. Но даже житье впроголодь на скудные средства пенсіонерства казались для нихъ раемъ послѣ долгой голодовки Васильевскаго Острова, и они поневолѣ уносили самыя отрадныя воспоминанія о Римѣ. Тамъ обыкновенно завязывалась первая любовь, тамъ они получали первые заказы, нрѣдко тамъ они удостоивались отъ академіи высокаго званія академика. Всѣ это окружало Римъ и впоследствии сказочной дымкой красоты, молодости и счастья.

Этому гипнозу поддавались всѣ, поддавался самъ Гоголь. Онъ видѣлъ въ каждой итальянкѣ блескъ античной красоты и находилъ для описанія ея краски, которыхъ никогда не было въ натурѣ. Творецъ Оеклы Ивановны, слесарши Поплениной и Коробочки, списавшій живьемъ эти безсмертные типы, увѣрялъ: «Какъ альбанка ни поворотитъ сіяющій снѣгъ своего лица—образъ ея весь отпечатлѣтся въ сердцѣ. Станетъ ли профилемъ—дивнымъ благородствомъ дышитъ профиль, и мечется красота линий, какихъ не создавала кисть. Обратится ли затылкомъ, съ подобранными кверху чудесными волосами, показавъ сверкающую позади шею и красоту невиданныхъ землею плечъ—и тамъ она чудо! Но чудеснѣе всего, когда она глянетъ прямо очами въ очи, водрузивши хладъ и замираніе въ сердцѣ...»

Художники заучивали наизусть эти строки и старались доказать Гоголю, что и кисть ихъ можетъ создать такое же «метаніе красоты линий» и благородство профилей. Профили даже брались на прокатъ со скульптуръ Ватикана, когда ихъ не находилось въ натурѣ. И даже Андрей Ивановичъ во дни своего перваго пребыванія въ Римѣ думалъ, что нѣтъ выше и лучше задачи, какъ исkanie такихъ профилей.

Но теперь, во второй прїездъ, его поразило то, что поражаетъ человѣка, который встрѣчается съ предметомъ своей прежней любви, отрѣшившись отъ своей страсти. Лицо все такое же, тѣ же движенія, походка, голосъ, но нѣтъ прежняго обаянія. То, что казалось прежде манящимъ, очаровательнымъ,—теперь въ луч-

Шт.-кап. Афанасьевъ. Кап. 2 ранга Опацкий. Лейт. Подгурский. Поруч. Григорьевъ. Капит. Головань.
 Подполк. Сайфулинъ. полк. Третьяковъ. Ген. Никитинъ. Ген. Кондратенко. Подполк. Романовский. Подполк. Рашевский.
 Егерм. Балашовъ. Полк. Ирманъ. Полк. Семеновъ.
 Группа, снятая на позиціи около штаба 5 вост.-сиб. стрѣлк. полка во время послѣднихъ штурмованій японцами Высокой горы, 19 ноября 1904 г.

Группа въ сводномъ госпиталѣ.
 Въ Портъ-Артурѣ. По фот. авт. «Нивы».

Генераль Смирновъ.

Участники обороны во главѣ съ комендантомъ крѣпости генераломъ Смирновымъ.

Въ плѣнъ. Группа офицеровъ, служащихъ и жителей Портъ-Артура на пароходѣ „Гималай“

Въ Портъ-Артурѣ. По фот. подполк. Я. Шишко, авт. «Нивы».

шемъ случаѣ безразлично, а порою смѣшно или противно. Обыкновенно, ищутъ причинъ этой переменѣ въ женщинѣ, а переменна происходитъ не въ ней, а въ томъ, что взглядъ на нее и требованія измѣнились.

Римъ былъ тотъ же, даже лучше, чѣмъ прежде. Нѣсколько улицъ заново вымощены; новые дома появились въ центрѣ города, у храма Петра повѣшена новая занавѣсъ, вмѣсто грязной тряпки, болтавшейся прежде. Провалившіяся вокругъ фонтановъ плиты поправлены. Тибръ бурлитъ такъ же, какъ и тогда, вѣроятно, такъ же, какъ бурлилъ при Цезарѣ, когда онъ предложилъ Кассію вылавъ добраться до другого берега, и самъ изнемогъ въ борьбѣ съ теченіемъ. Да и итальянки не подурнѣли, и были совершенно такъ же грязны и неопрятны, какъ во дни его молодости, а было что-то не то, что-то будничное, тривиальное.

Желудокъ статскаго совѣтника, имѣвшаго уже нѣсколько орденовъ, не могъ довольствоваться той ресторанной ѣдой, которая казалась въ молодости очаровательной. Теперь ему вся итальянская кухня казалась скверной. Даже священныя двери Ватикана не возбудили въ немъ прежняго трепета, какъ въ былые дни. Отъ древнихъ залъ пахло затхлостью, скукой, отжившей славой. Съ холстовъ смотрѣли условныя, скучныя лица. Но зато — странное дѣло — то, на чемъ онъ не останавливался прежде: легкая, граціозная, шаловливая роспись ложь, — эта блестящая рафаэлевская шутка показала ему значительнѣе прежняго, и онъ провелъ тамъ цѣлый день, и точно цѣлый день звенѣли надъ нимъ гармоническіе шаловливые звуки веселаго оркестра.

XVIII.

Онъ внимательно осмотрѣлъ «Преображеніе». Тутъ же какой-то художникъ съ необычайной тщательностью копировалъ его въ нѣсколько меньшемъ размѣрѣ. Художникъ былъ уже не молодъ, въ огромныхъ очкахъ съ суровымъ лицомъ. Писалъ онъ лѣвой рукой, но иногда, когда рука уставала, бралъ кисть въ правую. Андрей Ивановичъ задумчиво почесалъ у себя за ухомъ.

— Чего добраго, такъ точно, какъ у него, мнѣ и не скопировать, — сообразилъ онъ: — специалистъ по копіямъ.

Онъ цѣлую ночь не спалъ, ворочаясь съ боку на бокъ. Мысль о томъ, что ему, почтенному академику, на виду у праздно толпы, погода надо висѣть на лѣстницѣ — приводила его въ содраганіе. Къ утру ему пришла въ голову блестящая мысль:

— А ну-ка, поговорю я съ этимъ копистомъ.

Копистъ былъ очень податливъ. Онъ сказалъ, что черезъ двѣ недѣли онъ кончитъ начатое «Преображеніе», а потомъ готовъ приняться за новое. Что касается цѣны, то за копію самаго высшаго качества онъ спросилъ сумму, равняющуюся одной десятой того, что платила свѣтлѣйшая Андрею Ивановичу. Всю работу онъ брался кончить въ два-три мѣсяца.

Вечеромъ въ кофейнѣ было окончательно закрѣплено условіе. Андрей Ивановичъ предложилъ тысячу лиръ задатка и сказалъ, что самъ закажетъ холстъ высшаго качества. Лиръ перешли въ карманъ мюнхенскаго художника, и новые друзья разошлись, чрезвычайно довольные другъ другомъ.

Освободившись отъ скучнаго заказа, Андрей Ивановичъ почувствовалъ себя превосходно. Онъ не рѣшался уѣхать изъ Рима, такъ какъ свѣтлѣйшая часто ему писала, и потому началъ приятно проводить время въ полнѣйшемъ dolce far niente. Сперва онъ задумалъ написать «Смерть Коріолана», но потомъ рѣшилъ, что лучше ограничиться итальянкой у фонтана: сюжетъ во всякомъ случаѣ милостивый и никакихъ изученій не требующій. Русскіе пенсионеры встрѣтили его какъ начальство, съ почтеніемъ, и указали на мастерскую, изъ которой только-что уѣхалъ какой-то знаменитый берлинскій художникъ, щедро заплатившій впередъ за два

мѣсяца. Андрей Ивановичъ подумалъ, подумалъ, и переѣхалъ.

Мастерская была гигантской величины. Берлинецъ любилъ колоссальные сюжеты, и потому писалъ тутъ въ теченіе четырехъ лѣтъ «Страшный судъ», съ безконечнымъ количествомъ грѣшниковъ и праведниковъ, которые барахтались во всѣхъ углахъ картины, какъ раки въ рѣшетѣ. Для Андрея Ивановича совсѣмъ не нужна была мастерская такой необъятной величины, да и вдобавокъ она требовала усиленнаго отопленія: вода въ водопроводѣ обыкновенно зимою къ утру замерзала. Но ему больше мастерской понравилась хозяйка домика, которая сдавала квартиру, а еще больше ея — двѣ ея дочки. Андрей Ивановичъ не былъ особеннымъ поклонникомъ женской красоты, и самъ красотой не отличался: но это ему не мѣшало цѣнить милостивость, какъ художнику. Поэтому онъ сразу стоворился съ хозяйкой, и къ вечеру перебрался въ новое помѣщеніе. Онъ не подозрѣвалъ тогда, что это переселеніе сыграетъ такую видную роль въ его жизни.

Хозяйка была какъ всѣ итальянки — грязна, болтлива, недурна собой и вдобавокъ глупа. Лѣтъ ей было подъ сорокъ, вдовѣла она шестой годъ и по праздникамъ кормила обѣдомъ очень браваго усатаго гвардейца изъ личной стражи папы Пія IX. Мужъ ея погибъ безвременно, свалившись въ пьяномъ видѣ съ балкона третьяго этажа, гдѣ онъ улегся на желѣзныхъ перилахъ, принявъ ихъ почему-то за перину. Она горько оплакала его, и затѣмъ, для снисканія средствъ къ жизни, стала позировать у художниковъ, изображая по преимуществу библейскихъ женщинъ. Дочки-подростки шли за ангеловъ и привыкли съ малыхъ лѣтъ, не стѣняясь, позировать въ ангельскомъ видѣ передъ мастерами всевозможныхъ національностей. Впрочемъ, это нисколько не мѣшало старшей, шестнадцатилѣтней дѣвчкѣ краснѣть и стыдливо опускать глазки при первой встрѣчѣ съ незнакомымъ художникомъ. Она-то главнымъ образомъ и прельстила Андрея Ивановича, когда онъ нанималъ квартиру.

На другое утро, послѣ переѣзда, когда онъ вѣлъ у открытаго окна яйца и пилъ отвратительно сваренный кофе, онъ увидѣлъ черезъ узенькій дворикъ, какъ разъ противъ себя, кудрявую головку младшей сестры — подростка лѣтъ тринадцати. Она лежала грудью на подушкѣ и, весело улыбаясь во весь ротъ, смотрѣла на него.

— Доброе утро! — крикнулъ онъ, припоминая итальянскій языкъ, на которомъ когда-то болталъ достаточно свободно.

Она кивнула въ отвѣтъ головой.

— Васъ какъ зовутъ? — спросилъ онъ.

— Джульеттой, — откликнулась она.

— А сестру вашу?

— Инессой.

— А она гдѣ?

— Она моется. Моетъ себѣ шею.

— Отчего такъ поздно?

— Она только-что пришла съ рынка. На улицѣ пыль. Инесса терпѣть не можетъ, когда у нея грязная шея.

— А развѣ есть люди, которые это любятъ? — пошутилъ онъ.

— Мнѣ все равно, — возразила она. — Впрочемъ, когда у меня будутъ женихи, можетъ-быть и я буду также мыться по десяти разъ въ день.

— А у Инессы есть женихи?

— Ей шестнадцать лѣтъ, значитъ она невѣста.

— Чья?

— Ничья. Вообще невѣста.

— Значитъ, вамъ еще ждать три года.

— Да. А впрочемъ, я замужъ не пойду. Я хочу въ монастырь. У меня тетка въ монастырѣ. Тамъ такъ прохладно; въ самые жары хорошо, какъ въ мартѣ. Я не люблю жары. Потомъ у нихъ очень красивый патеръ

Альбано, — его всѣ сестры очень любятъ, и онъ ихъ любить.

— Что она говоритъ! — раздался голосъ сзади нея: — и сеньора Беатриче появилась сзади дочери съ огромнымъ сотейникомъ въ рукахъ.

— Если ты, проклятый чертенокъ, осмѣлишься еще говорить такія глупости про твою тетку и патера Альбано, я тебя продержу три дня на чердакѣ не ѣвши.

Она обратилась къ жильцу.

— Не слушайте ее, синьйоръ Андреа. Это такая трещотка; не знаю, въ кого она такая родилась. Отецъ ея

молчалъ всю жизнь, какъ улитка. Да и я не изъ говорливыхъ. Вотъ Инесса, та тоже болтать не любитъ, а эта несчастная тараторитъ, какъ кофейная мельница, весь день. Пошла, скверный подкидышъ, пошла вонъ и не смѣй вѣсть на окнѣ. Вотъ когда въ двѣнадцать часовъ я понесу второй завтракъ синьйору Андреа, я хорошихъ вещей про тебя наговорю.

Дѣвочка засмѣялась и исчезла съ подушки. Мать еще разъ погрозила ей вслѣдъ сотейникомъ, и еще разъ извинилась передъ жильцомъ:

— Вы не сердитесь на нее, она глупа не по лѣтамъ.

(Продолженіе будетъ).

Въ Портъ-Артурѣ.

Впечатлѣнія очевидца.

Я. У. Шишко.

Въ 1904 году въ первый день Пасхи, въ поѣздахъ ѣхало много русскихъ воиновъ, санитарныхъ отрядовъ и разныхъ лицъ на Дальній Востокъ по великому Сибирскому пути, чтобы тамъ, — на

далекой окраинѣ, — или сложить свою голову, или принести хотя какую-нибудь пользу для общаго русскаго дѣла.

Грустно было каждому душему въ этотъ день... Тоска щемила душу, а мысль невольно неслась под родную кровлю, и вспоминалось все дорогое, близкое сердцу... Хотѣлось хотя мысленно пронестись черезъ пройденное громадное пространство и взглянуть, какъ-то тамъ — въ родномъ

уголѣ, встрѣчаютъ Свѣтлый праздникъ? Думаютъ ли тамъ о ѣдущихъ? Придетъ ли когда-нибудь увидѣться съ дорогими, покинутыми?..

И, вотъ, въ такую минуту тоски и раздумья, въ вагонъ нашъ вошелъ служащій на желѣзно-дорожномъ пути священникъ о. Гнедовскій, поздравилъ всѣхъ съ днемъ Христова Воскресенія и предложилъ проѣхать что-нибудь со своимъ хоромъ. Конечно, предложеніе было принято съ восторгомъ; вѣсть объ этомъ мгновенно облетѣла всѣ вагоны, и въ нашъ вагонъ набились всѣ пассажиры нашего поѣзда. Въ среднемъ купѣ вагона собрался небольшой хоръ желѣзно-дорожныхъ пѣвчихъ, а въ серединѣ его стоялъ батюшка. И, вотъ, подъ аккомпанементъ шума поѣзда раздалось пѣніе чистыхъ, звонкихъ голосовъ. Подлились разные церковные концертные мотивы и, наконецъ, народные и свѣтскія пѣсни. Восторгу слушающихъ не было конца...

Нѣсколько станцій проѣхали мы, слушая родные звуки, которые принесли намъ такое удовольствіе, что забылось все, что щемило душу, и сердца наши наполнились отрадой...

Не рѣдко, сидя на берегу моря близъ Портъ-Артура, приходилось намъ видѣть, какъ въ безбрежную, бушующую водную ширь на парусахъ отправлялась китайская шаланда. Она казалась на волнахъ орѣховой скорлупой. И эта скорлупа, швыряемая съ волны на волну, казалась, захлебнется, опрокинется, разобьется въ щепки. Но, къ удивленію непривыкшихъ къ этому зрѣлищу, шаланда все удалялась и удалялась и, наконецъ, исчезла въ туманной синевѣ моря, а черезъ нѣсколько недѣль снова появилась въ Артурѣ съ товарами.

Это очень интересный и оригинальный типъ небольшого паруснаго судна, выдерживающаго нерѣдко самые страшные морскіе ураганы.

Въ Портъ-Артурѣ. Подъ скалой у деревни Мончангово. По фот. авт. «Нивы».

Послѣ Кинджоускаго боя, наши войска двинулись прямо къ Артуру, съ намѣреніемъ сейчасъ же запереться въ крѣпости, но

по инициативѣ полковника 28-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка Киленина, охранительные отряды задержались въ горахъ, не давая японцамъ двигаться дальше безнаказанно, и противникъ остановился у Кинджоу и Дальняго. А наши передовые отряды были усилены и, выбравъ хорошия горныя позиціи по линіи отъ Семафорной горы, Большого перевала, горы Уайцелазы, Куинсана, Юнлаза и

возвышенностей Инчендзы, насколько возможно было, укрѣпились и продержались здѣсь больше трехъ мѣсяцевъ, постоянно производя развѣдки и вылазки, а также постоянно отбивая непріятельскія попытки двинуться впередъ.

Изъ жизни на передовыхъ позиціяхъ Портъ-Артура осталось много чудныхъ воспоминаній: среди постоянныхъ стычекъ съ противникомъ, выпадали свѣтлые денки боевого затишья, во время котораго офицеры собирались небольшими группами и дѣлились между собой впечатлѣніями и воспоминаніями изъ минувшаго.

Въ деревнѣ Мончангово была квартира начальника небольшого отряда, въ составъ котораго входили: три роты 28-го полка, три роты пограничной стражи подъ командой подполковника Бутузова, двѣ сборныя роты другихъ стрѣлковыхъ полковъ, четыре пѣшія охотничьи команды, четыре пулемета, четыре орудія Барановскаго и одна конная охотничья команда. Всѣ въ отрядѣ неуспынно работали на своихъ позиціяхъ, ожидая каждый день общаго наступленія противника.

Пограничники были въ резервѣ. Ихъ бивакъ раскинулся близъ Мончангово у ручейка подъ нависшими каменными утесами. Чудное, живописное мѣсто! Въ минуту боевого затишья на берегу этого ручейка не разъ собирались тѣснымъ кружкомъ офицеры мончанговскаго гарнизона и проводили вечера, какъ самые задушевные друзья. Въ такіе вечера сердце каждого наполнялось отрадными чувствами, и мысль летѣла куда-то въ просторъ, въ даль... Нерѣдко задушевная пѣсня вызвала слезы, нерѣдко анекдоты весельчака-балагура поручика Цивчинскаго заставляли всѣхъ хотать до упаду... Изъ этихъ воспоминаній выступаетъ свѣтлая личность подполковника Бутузова — симпатичнаго, добрейшей души человѣка и отважнаго воина, погибшаго на Высокой горѣ геройской смертью. Прилагаемый портретъ этого выдающагося защит-

Въ Портъ-Артурѣ. Разгромъ 6-го госпиталя и госпитальной церкви.

По фот. подполк. Я. Шпико, авт. «Нивы».

ника Артура былъ снятъ почти наканунѣ его смерти. А группа, снятая подъ скалой въ Мондангово, напоминаетъ одинъ изъ чудныхъ вечеровъ, проведенныхъ на передовыхъ позиціяхъ.

Горный массивъ Ляотешана на видъ неприступенъ даже для пѣшеходовъ. На небольшомъ сравнительно пространствѣ группа этихъ горъ образуетъ природную крѣпость въ видѣ подковы, вышими своими точками достигающую 218 сажень. Мрачные вертикальные каменные утесы, глубокія разсѣлины, нависшія скалы и зубчатый узоръ сомкнутыхъ вершинъ Ляотешана придаютъ ему мрачный, грозный видъ.

Разсказываютъ, что, когда специальная комиссія дѣлала подробный осмотръ всѣхъ позицій вокругъ Артура, Ляотешанъ былъ признанъ недоступнымъ и на него мало было обращено вниманія; поэтому на склонахъ и на вершинахъ его не было возведено никакихъ укрѣпленій, а лишь послѣ объявленія войны, для охраны береговъ около этихъ горъ, была поставлена охотничья команда отъ 28-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, подъ начальствомъ поручика Крюмина, и около маяка была построена батарея на два орудія небольшого калибра. Когда однажды японская эскадра приблизилась къ берегамъ Ляотешана и остановилась въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, подъ прикрытіемъ горныхъ вершинъ и утесовъ, не могла быть поражена нашими батареями и эскадрой, то сразу заставила замолчать два орудія около маяка и стала бомбардировать городъ и его окрестности. Но и послѣ этого было признано, что Ляотешанъ неприступенъ, и что на вершины его поставить тяжелыя орудія невозможно. Между тѣмъ, поручикъ Крюминъ, любитель природы, изслѣдовавъ вдоль и поперекъ всѣ высоты этого массива, донесъ, что онъ находитъ возможнымъ въ самое короткое время выставить на высочайшихъ пунктахъ Ляотешана какія угодно батареи. На это ближайшее начальство отвѣтило, что не ему рѣшать такія задачи. Но Крюминъ былъ не изъ такихъ людей, чтобы остановиться передъ подобными препятствіями, и отправился прямо къ генералу Стесселю и сказалъ, что онъ пришелъ не за наградой, а за наказаніемъ, но просить вы-

слушать его докладъ. Генералъ Стессель приказалъ ему подать письменный докладъ. Въ этомъ докладѣ Крюминъ, между прочимъ, называлъ нѣкоторыя постройки крѣпости насмѣшкой надъ инженернымъ искусствомъ или недобросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, что впоследствии и подтвердилось.

Послѣ этого доклада на Ляотешанѣ закипѣла работа, мрачныя его ущелья огласились сотнями голосовъ, послышалась родная пѣсня «Эй, ухнемъ!»,— и въ скоромъ времени на отрогѣ, идущемъ къ морю, появились батареи съ шестидюймовыми орудіями, а потомъ и на высочайшихъ точкахъ были поставлены девяти и даже одиннадцатидюймовыя орудія. По гребнямъ горъ были вырыты окопы, по которымъ было поставлено много маленькихъ морскихъ орудій и пулеметовъ. Одна изъ вершинъ украсилась беспроволочнымъ телеграфомъ.

Генералъ Кондратенко очень часто посѣщалъ вершины Ляотешана и руководилъ всѣми работами. Онъ здѣсь нѣрѣдко высказывалъ, что если японцы вытѣснятъ насъ изъ фортовъ, то все, что останется въ Артурѣ живое, взойдетъ на Ляотешанъ и здѣсь будетъ умирать до послѣдняго...

И, вотъ, Ляотешанъ сдѣлался грознымъ для враговъ, и они уже больше не осмѣлились къ нему приблизиться. И Ляотешанъ могъ бы, хотя не надолго, сослужить въ защитѣ Артура службу, если бы войска, отступая подъ натискомъ во много разъ большаго противника, ушли подъ защиту этихъ природныхъ твердынь.

Портъ-Артурѣ пришлось видѣть свою эскадру и въ то время, когда она еще до войны, въ полномъ составѣ, величественно и грозно колыбалась на синихъ волнахъ Желтаго моря, сверкая на солнцѣ орудіями, и въ то время, когда она безопасно стояла на вышнемъ рейдѣ и была атакована и повреждена японскими миноносками, и въ бою, каждый разъ отступавшую передъ японской эскадрой, и тогда, когда гибли одинъ за другимъ суда въ открытомъ морѣ и когда въ этой гибели несчастный рокъ судьбы не пощадилъ отважнаго бойца Макарова, и тогда, когда эскадра, растрепанная, изувѣченная, въ страшномъ жалкомъ видѣ, наполовину разсѣялась по разнымъ бухтамъ чужихъ земель, а наполовину вернулась въ Артуръ. Грустно было Артуру глядѣть на всѣ несчастія своей эскадры, сердце обливалось кровью, видя, какъ съ каждымъ днемъ гибла надежда на помощь морской силы, какъ гибли миллионы народнаго достоинства. Но нѣтъ словъ, нѣтъ умѣнья—слабы

Въ Портъ-Артурѣ. Молебень передъ боемъ на Зеленыхъ горахъ. Походнымъ аналогомъ служить пулеметъ. По фот. подполк. Я. Шпико, авт. «Нивы».

краски и рѣчь человѣческая, чтобы выразить ту грусть, ту душевную тоску, которая душила всѣхъ, когда передъ глазами артурцевъ, одинъ за другимъ, склонялись подъ японскими снарядами русскіе великаны—«Ретвизанъ», «Полтава», «Амуръ» и другіе... Глядя на ихъ гибель, казалось, что это гибнуть живые люди, и слезы невольно выступали на глазахъ.

Въ ночь передъ сдачей Артура бухта, окрашенная заревомъ пожаровъ, представляла грандіозное зрѣлище разоренія и разгрома: въ разныхъ мѣстахъ то и дѣло подымались огромные столбы огня и дыма, превращая съ ужасающимъ трескомъ остатки эскадры и орудія въ безформенныя груды и щепки.

Въ день же сдачи крѣпости бухта представляла картину полного запустѣнія; суда, разбитыя и изуродованныя, какъ бы нарочно торчали изъ воды наполовину, чтобы поражать своимъ видомъ зрѣніе людей, чтобы показать всему міру послѣдствія ужасовъ войны...

Однимъ изъ первыхъ снарядовъ, пронесшимся надъ Портъ-Артуромъ, была разбита небольшая деревянная церковь. Въ началѣ, когда лишь стѣны святыни были продырявлены и стекла побиты въ окнахъ, служба продолжалась. Но затѣмъ нѣсколько снарядовъ, попавшихъ почти въ одно мѣсто, разбили въ щепки толстыя балки потолка и стѣны: тогда вся утварь была вынесена изъ храма, окна и двери заколочены, и израненный храмъ своимъ видомъ вызывалъ у каждого артурца на глаза слезы, а оставшіеся невредимыми купола съ крестами простирались къ небу, какъ бы взывая силы небесныя въ защиту Артуру, и придавали силу душевную храбрымъ его защитникамъ.

Почти непрерывно кипѣли бои* на позиціяхъ Артура, и ежедневно поступали въ госпитали раненые и больные; выздоравливающіе шли опять на позицію. Многие были ранены нѣсколько разъ и, выздоровѣвъ, снова шли въ строй. Генераль Стессель доносилъ Государю, что «всѣ герои», и дѣйствительно, смѣло можно сказать, что всѣ были героями. Если же у кого подчасъ щемило душу отъ ужасовъ, то онъ подавлялъ въ себѣ это, хотя гнусное, но невольное чувство, забывалъ свое личное «я» и устремлялъ свои мысли и желанія, чтобы отстоять Портъ-Артуръ.

Группа офицеровъ, изображенная на стр. 424, одна изъ тысячъ подобныхъ группъ, въ которой почти всѣ ранены, въ которой почти всѣ съ подорваннымъ здоровьемъ, въ которой каждый не зналъ во

На пути въ Портъ-Артуръ. Железнодорожный священникъ о. Евгеній Гнедовскій съ хоромъ пѣвчихъ (на сибирской жел. дор.). По фот. подполк. Я. Шишко, авт. «Нивы».

время фотографированія, что съ нимъ будетъ черезъ минуту, черезъ часъ, снимется ли еще разъ съ товарищами...

Были въ осажденномъ Артурѣ иногда дни, когда затихали и неприятельскіе, и наши выстрѣлы, и лишь изрѣдка надъ городомъ жужжалъ снарядъ, падая въ бухту или разрываясь среди домовъ. Такіе дни были рѣдки, и ими пользовались всѣ, какъ могли: офицеры и нижніе чины шли скорѣе въ баню, чтобы помыться, купцы безъ боязни открывали свои магазины, въ гарнизонномъ офицерскомъ собраніи являлось больше обыкновеннаго офицеровъ, чтобы хотя въ этотъ день пообѣдать по-человѣчески.

Такое затишье выпало 8 ноября—день Св. Михаила Архистратига, и генераль М. Костенко, предѣдатель Квантунскаго военнаго окружнаго суда, отпраздновалъ день своего Ангела. Собралась небольшая группа офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ и комендантъ крѣпости, генераль Смирновъ, этотъ достойный во всѣхъ отношеніяхъ представитель защиты Артура, хотя имя его, по причинамъ, не отъ него зависѣвшимъ, не гремѣло въ печати. Тутъ же былъ и редакторъ газеты «Новый край», съ честью выдержавшій трудную задачу изданія единственной газеты въ Артурѣ до послѣднихъ его дней. Между гостями былъ и прокуроръ суда,

полковникъ Тиртовъ, и другіе. Батюшка отслужилъ молебень, во время котораго близко надъ собраніемъ прожужжали два неприятельскіхъ снаряда и недалеко гдѣ-то разорвались.

Къ вечеру, по направленію къ форту № 3, послышалась пальба—зарокотали орудія, а потому всѣ бывшіе на именинахъ распрощались съ хозяиномъ и поспѣшили къ своимъ обязанностямъ.

Грустная вѣсть о сдачѣ японцамъ Портъ-Артура молніей облетѣла всѣхъ отъ мала до велика и всѣхъ повергла въ страшное уныніе.

Въ гарнизонномъ собраніи сидѣло нѣсколько офицеровъ; горячо толковали о несчастьѣ, постигшемъ артурцевъ, спорили о невозможности дальше защищаться, подсчитывали приблизительную численность оставшагося гарнизона и боевыхъ припасовъ.

Въ Портъ-Артурѣ. Церковь, разбитая снарядомъ. По фот. подполк. Я. Шишко, авт. «Нивы».

Квантунская дружина, состоящая в значительной степени из лиц порть-артурской интеллигенции и несшая все тяготы осады и обороны Порть-Артура наравнѣ съ прочими войсками.

По фот. подполк. Я. Шинко, авт. «Нивы».

Непривычная тишина царил вокруг города,—не слышно было больше жужжання и шипѣнья японскихъ снарядовъ надъ собраніемъ, не раздавался больше трескъ фугасныхъ бомбъ... Все сразу смолкло, и лишь ухо, привыкшее къ этому адскому рокоту въ Артурѣ, невольно каждый стукъ двери, паденіе какого-либо предмета, скрипъ стула—передавало расшатаннымъ до послѣдней степени нервамъ.

Вдругъ дверь въ столовую открылась, и въ нее вошелъ японскій генералъ, а за нимъ человекъ 30—35 японскихъ офицеровъ. Вошедшіе, по очереди, отрекомендовались русскимъ офицерамъ. На ихъ лицахъ не было ни тѣни злобы, пренебреженія или гордости побѣдителя: добродушная улыбка играла на ихъ устахъ и любезности обращенія не было границы. Русскіе офицеры сначала были изумлены появленіемъ въ собраніи такихъ неожиданныхъ гостей, но скоро завязалась горячая дружеская бесѣда, начались воспоминанія, посыпались комплименты съ обѣихъ сторонъ. Здѣсь, въ собраніи, встрѣтились не враги, а люди, не питавшіе въ тотъ моментъ другъ къ другу злобы и ненависти. Здѣсь встрѣтились воины, исполненные другъ къ другу глубокимъ уваженіемъ, какъ доблестные, храбрые соперники.

Черезъ полчаса въ столовой былъ накрытъ длинный столъ, и японцы вперемишку съ русскими сѣли завтракать.

И зашумѣло собраніе необычными голосами... И въ этомъ шумѣ хотя раздавалась русская рѣчь, хотя подымался бокалъ за здоровье героевъ—артурцевъ-защитниковъ и побѣдителей, тѣмъ не менѣе, сердце каждаго русскаго офицера сжималось страшной болью...

По окончаніи завтрака вся компанія собралась группою у входа въ собраніе, и любители-фотографы—русскіе и японцы—запечатлѣли всѣхъ на фотографіи. Если присмотрѣться къ этой группѣ, то можно увидѣть добродушную улыбку японскихъ офицеровъ, пасмурныя лица защитниковъ Артура, обнявшихся русскаго съ японцемъ, услувшаго японца, не

выдержавшаго долгихъ приготовленій любителей-фотографовъ. Здѣсь забыты вражда, злоба и ненависть. Умолкъ грозный гулъ военной брани, и прежніе люди, жаждавшіе, какъ хищные звѣри, только крови, теперь спокойно глядятъ другъ другу въ глаза и отдають другъ другу должное уваженіе.

Порть-Артуръ, какъ крѣпость, далеко не отвѣчала своему назначенію, такъ какъ форты и укрѣпленія не были такими, какими должны были быть, а многіе пункты вовсе не были укрѣплены. Фортовъ, выдвинутыхъ впередъ, не было. Снарядовъ и продовольствія было не въ достаточномъ количествѣ. Воздушныхъ шаровъ, голубиной почты, безпроводныхъ телеграфовъ, шпионства и проч. не было завезено и подготовлено. Однимъ словомъ, можно думать, что въ Порть-Артурѣ даже мысли никто не допускалъ, что надъ нимъ можетъ грянуть громъ. А громъ грянулъ со всею силой изъ грозныхъ японскихъ тучъ.

Могилы павшихъ у Высокой горы. По фот. авт. «Нивы».

На Высокой горѣ, послѣ отбитія позицій, занятыхъ японцами. Разгромъ крытой траншеи ручными бомбами, придуманными лейтенантомъ Подгурскимъ. По фот. подполк. Я. Шинко, авт. «Нивы».

Но дѣлать было нечего, и пришлось вспомнить пословицу, что «голь на выдумки хитра». Всѣ стали придумывать разные способы, чтобы, насколько возможно, исправить ошибки тѣхъ, кто больше всего былъ въ нихъ виноватъ. И вотъ явились разные изобрѣтатели съ предложеніемъ плодотворнаго своего изобрѣтенія. Одинъ выдумалъ убійственную электрическую проволоку, которой была обнесена кругомъ вся крѣпость; назначеніе этой проволоки было—убить каждаго, кто бы къ ней прикоснулся. Другой придумалъ воздушный шаръ, который стоилъ дорого, но не хотѣлъ подняться надъ городомъ. Третій выдумалъ подводную лодку, на которую были большія надежды, но онъ не сблизился. Четвертый устроилъ на Ляотешанѣ безпроводный телеграфъ, который не принесъ ни одного извѣстія, и т. д. Но зато были и удачныя изобрѣтенія; такъ, на примѣръ: лейтенантъ Подгурскій придумалъ ручныя бомбы, которыми онъ

выгнать японцев, занявших крытые окопы на Высокой горѣ. Бомбы эти произвели такое страшное разрушеніе въ этихъ окопахъ, что человѣческія тѣла, разорванныя ими на куски, выбрасывались изъ окоповъ обожженными, а балки, чуть не въ обхватъ толщиною, разлетались въ щепки. На прилагаемыхъ фотографіяхъ изображенъ разгромъ на Высокой горѣ: трупъ японца сожженъ почти въ уголь, и тѣло потрескалось; блиндажи, пулеметы и все прочее превращено въ безформенныя груды. Другой изобрѣтатель бомбъ, мичманъ Дудинъ, придумалъ способъ снаряженія ненужныхъ китайскихъ бомбъ, которыя отъ удара взрывались, производя вокругъ страшное разрушеніе. А такъ же былъ изобрѣтенъ снарядъ въ видѣ мины, который стержнемъ вставлялся въ дуло орудія и послѣ выстрѣла летѣлъ шаговъ 50—100 и производилъ ужаснѣйшій взрывъ. Эти изобрѣтенія принесли Портъ-Артуру громадную пользу при отбитіи японскихъ штурмовъ. Этихъ адскихъ выдумокъ японцы боялись такъ же, какъ и русскаго штыка.

На скалѣ выдвинувшася въ море отрога Лютешана высится каменная постройка маяка и около него небольшого домика. Тутъ же недалеко стояла батарея изъ двухъ орудій малаго калибра. Однажды японская эскадра, приблизившись къ Лютешану, стала громить маякъ и орудія, расположенныя около него. Въ нѣсколько минутъ толстыя стекла маяка и его машины были разбиты осколками снарядовъ. Одинъ снарядъ попалъ въ крышу домика, пробилъ потолокъ и разорвался внутри. Жившій въ домикѣ командиръ батареи, мичманъ графъ Келлеръ, былъ въ это время у орудій. Когда бомбардировка прекратилась, графъ вошелъ въ свою квартиру и увидѣлъ полный разгромъ: все, что было въ комнатѣ—мебель, постель и прочее было превращено разорвавшимся снарядомъ въ щепки и клочья, но, къ удивленію хозяина, стоявшія на подоконникѣ нѣсколько бутылокъ водки Смирнова остались цѣлы, между тѣмъ, какъ даже стекла въ окнѣ были перебиты. Этотъ довольно курьезный случай долго смѣшили защитниковъ Лютешана.

Когда Артуръ былъ отрѣзанъ японцами, то всѣмъ частнымъ лицамъ мужскаго пола, оставшимся въ городѣ, было предложено образовать вольную дружину. На этотъ призывъ всѣ откликнулись съ большою охотой и почти всѣ, кто могъ держать оружіе въ рукахъ, вписались въ дружину, которая была организована, вооружена и, насколько было возможно, обучена ратному строю. Дружинники составляли двѣнадцать дружинъ и сведены были въ три батальона.

Баракы начальника отряда на вершинѣ Лютешана. По фот. подполк. Я. Шишко, авт. «Нивы».

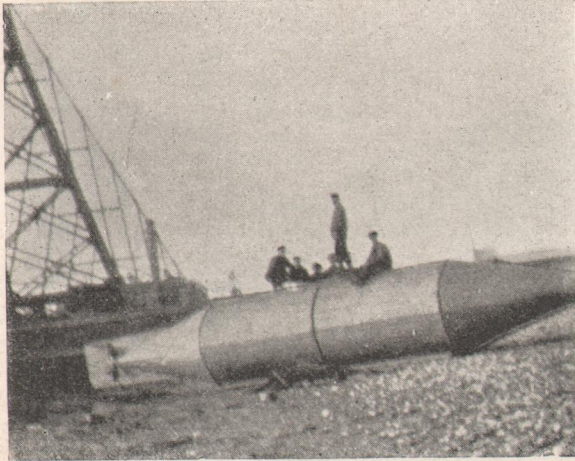
Въ составъ дружинъ вошли и рабочіе, и купеческій классъ, и интеллигенція. Эти дружины хотя мало употреблялись для боевыхъ дѣлей, но приносили громадную пользу, работая, не жалѣя силъ—и надъ постройкой береговой дороги, и надъ исправленіями разоренныхъ непріятельскими снарядами окоповъ на позиціяхъ, а также строя новыя укрѣпленія и занимая караулы при внутренней крѣпостной оградѣ. Пріятно было смотрѣть, какъ какой-нибудь интеллигентъ съ кокардой на околышкѣ, рядомъ съ простымъ рабочимъ, стоялъ съ лопатой въ рукахъ и работалъ, потѣя подъ жгучими лучами южнаго солнца. Многие изъ дружинниковъ отличались храбростью; нѣсколько человекъ изъ нихъ было убито и ранено. А при сдачѣ Артура дружинники больше всего высказывали сожалѣніе, что не пришлось имъ поработать при защитѣ внутренней ограды крѣпости.

На прилагаемомъ снимкѣ сняты дружинники 1 дружины, въ которой были преимущественно интеллигентныя лица.

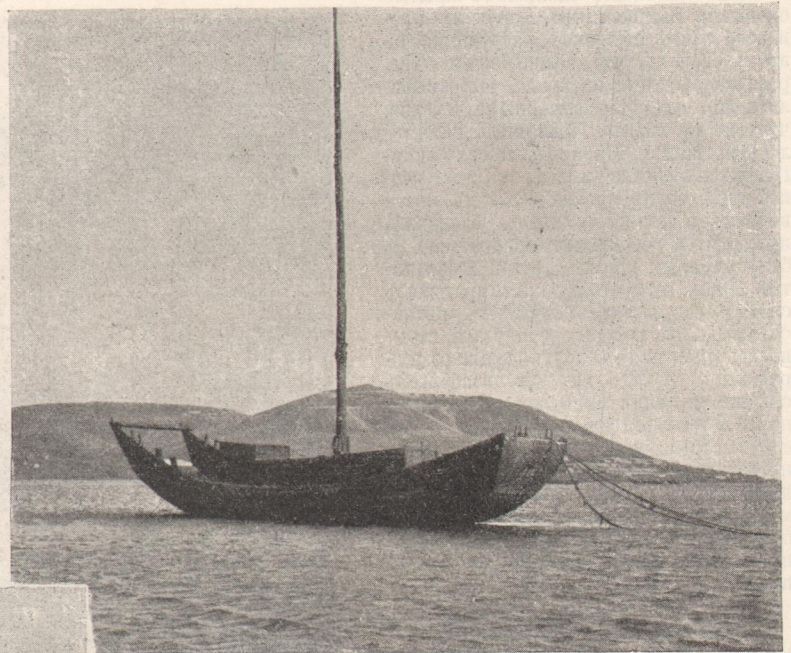
Молніей разнеслась вѣсть въ Портъ-Артурѣ, что начались переговоры о сдачѣ крѣпости. И вдругъ на позиціяхъ замолкли орудія и прекратился ружейный и пулеметный трескъ. А черезъ нѣко-

Бухта Юдзатунъ. Доброволецъ Левицкій, пробравшійся изъ Портъ-Артура на шаландѣ въ Чифу, а оттуда въ армию къ генералу Куропаткину и благополучно вернувшійся обратно; состоялъ во время осады на передовыхъ позиціяхъ въ охотничьей командѣ, исполняя обязанности офицера. По фот. подполк. Я. Шишко, авт. «Нивы».

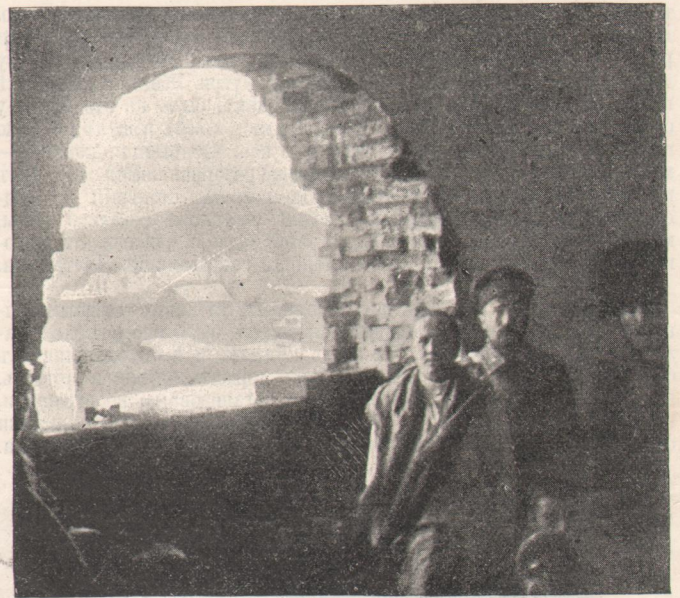
Подводная лодка.

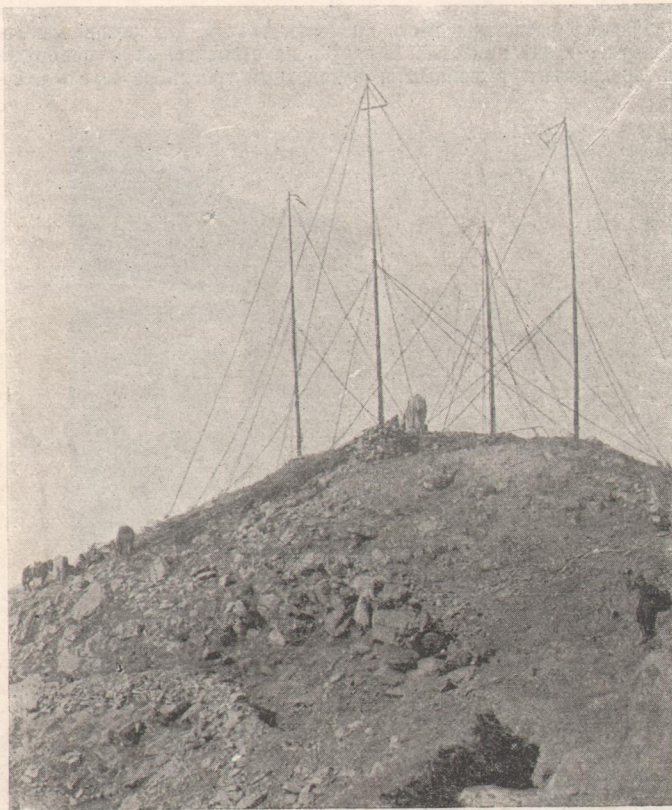
Китайская шаланда; на таких шаландах переправлялись порть-артурцы въ Чифу.

На высотѣ 218 сажень. Орудія на Ляотешанѣ.

Пробоина въ госпиталѣ № 6.

Безпроводный телеграфъ на Ляотешанѣ.

Домикъ на Ляотешанскомъ маякѣ. Передъ домикомъ—лейтенантъ графъ Келлеръ.

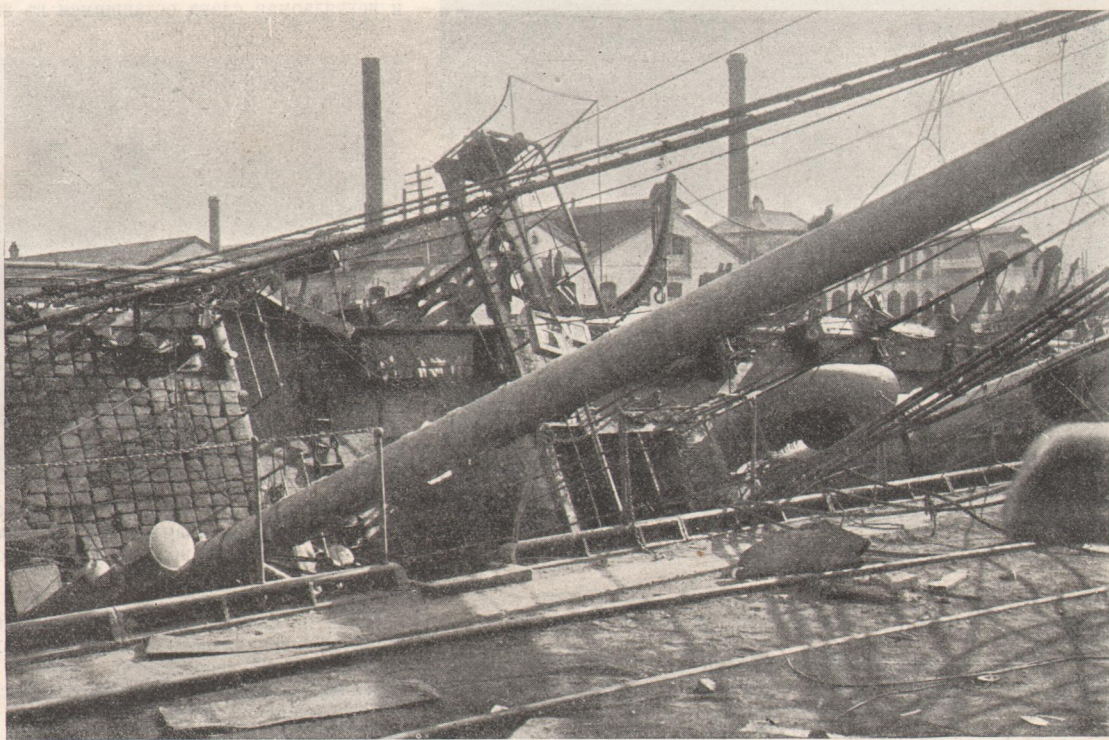
Въ Портъ-Артурѣ. По фот. подполк. Я. Шишко, авт. «Нивы».

торое время облетѣла всѣхъ вѣсть, что Артуръ сдается японцамъ и весь гарнизонъ идетъ въ плѣнъ. Страшная тоска овладѣла сердцами защитниковъ Артура. Сколько было страданій, сколько было пережито тяжелыхъ минутъ, сколько положено жертвъ, сколько являлось надеждъ, что не осрамится славная исторія защиты Артура позорной сдачей его врагу... Все сразу рухнуло, и весь оставшійся гарнизонъ крѣпости идетъ въ плѣнъ...

Трудно передать то душевное нравственное страданіе, которое томилъ насъ, когда роты и полки безъ ружей и амуниціи, съ котомками за спиной, шли, понуря головы, подъ конвоемъ вооруженныхъ японцевъ...

Нельзя сказать ничего дурного объ обращеніи японскихъ офицеровъ и солдатъ съ плѣнными. Побѣдители были очень любезны и предупредительны, стараясь исполнить всякое желаніе плѣнныхъ. Но самолюбіе русскаго воина страдало ужасно.

Прилагаемые снимки показываютъ, какъ пришлось офицерамъ проводить недолгіе, но нравственно тяжелые дни въ плѣну, пока не уѣхали изъ Дальняго. На пути къ Дальнему пришлось провести нѣсколько дней въ большихъ японскихъ палаткахъ, располагаясь группами у желѣзной печки. Въ Дальнемъ плѣнные тоже пробыли нѣсколько дней, помѣщаясь въ казарменныхъ казематахъ человекъ по 25—30. Японцы старались предоставить плѣннымъ всевозможныя удобства. Кормили вдоволь и постоянно извѣщались, что здѣсь не могутъ предоставить большихъ удобствъ и лучшаго продовольствія.

Палуба „Амура“, потопленнаго въ день сдачи крѣпости. По фот. подполк. Я. Шишко, авт. «Нивы».

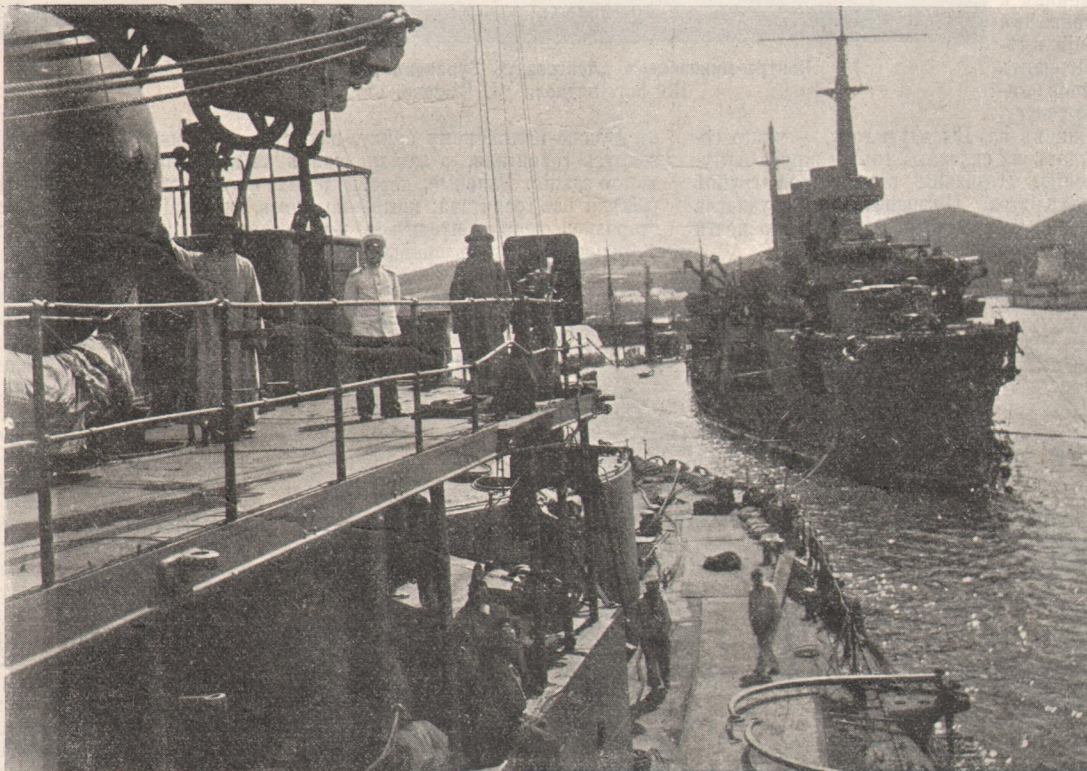
Затѣмъ плѣнные партіями были перевезены въ Нагасаки, гдѣ остающихся въ плѣну сейчасъ же отправляли въ глубь страны, а ѣдущихъ въ Россію черезъ нѣкоторое время, на иностранныхъ пароходахъ, отправляли въ Шанхай. Въ Шанхай, въ ожиданіи зафрахтованныхъ пароходовъ, плѣнные нижніе чины и рабочіе жили въ баракахъ во французскомъ лагерѣ и помѣщены были очень удобно. Офицеры же помѣщались въ лучшихъ гостиницахъ.

Только въ Шанхай каждый артурецъ вздохнулъ свободнѣе и съ ясной мыслью и надеждой взглянулъ на будущее, тая въ сердцѣ твердое желаніе принести хотя какую-нибудь пользу своей дорогой родинѣ. Вѣдь каждый изъ нихъ давалъ слово не воевать противъ Японіи и не вредить ей, но не давалъ обещанія не служить своему отечеству.

Ужъ который день подъ-рядъ штурмуютъ японцы Высокую гору. Штурмуютъ настойчиво, рѣшительно... Устилаютъ землю горами своихъ тѣлъ, но штурмуютъ и штурмуютъ. Видимо, хотятъ, во что бы то ни стало, овладѣть этимъ важнымъ, какъ для насъ, такъ и для нихъ, пунктомъ.

Вся Высокая гора дымится, какъ вулканъ; шрапнель непрерывно образуетъ надъ нею плѣдую сѣть бѣлыхъ дымковъ, а вершина отъ разрывовъ фугасныхъ бомбъ кутается въ темномъ дымѣ...

Но вотъ, наконецъ, 19 ноября, въ полдень, наступило маленькое затишье, послѣ котораго уже недолго продержалась «Высокая» и пала. Пользуясь этимъ затишьемъ, почти всѣ главные защитники Артура собрались къ штабу 5 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка въ офицерское собраніе. Собрали ихъ артурскій богатырь генералъ Кондратенко для совѣщанія. Пришли сюда и ране-

Въ Портъ-Артурѣ. Видъ съ броненосца „Севастополь“ на броненосецъ „Ретвизан“, на второй день послѣ боя 28 іюля. На „Севастополь“ — посрединѣ — командиръ его, капитанъ I ранга фонъ-Эссенъ, справа — священникъ „Севастополя“ о. Германъ, слѣва — священникъ 28 Вост.-Сиб. стрѣлк. полка о. Добротворцевъ.

По фот. подполк. Я. Шишко, авт. «Нивы».

Въ Портъ-Артурѣ. Продажа съ аукціона вещей убитаго офицера.

ные, и тѣ офицеры, которые были поближе, чтобы хотя немного перекусить чего-нибудь: вѣдь сколько уже дней проведено впроголодь.

Давно уже не было видно въ Артурѣ собравшейся въ одномъ мѣстѣ такой большой группы офицеровъ и генераловъ, какъ въ этотъ день, у Высокой горы. И вся эта группа, снятая любителемъ-фотографомъ, является дорогой памятью страдныхъ дней Артура.

Здѣсь мы видимъ и генерала Кондратенко, не спавшаго нѣсколько ночей и напрягавшаго всѣ свои силы, всю энергію для защиты Высокой горы и который, вскорѣ послѣ этого, безвременно погибъ на фортѣ № 2. Тутъ же и начальникъ артиллеріи генералъ Никитинъ, батареи котораго усиленно помогали отбивать штурмы Высокой горы. Тутъ и полковники: Ирманъ, Третьяковъ, Семеновъ, Романовскій и другіе, имена которыхъ знакомы всѣмъ въ Россіи. Вотъ и инженеръ Рашевскій — одинъ изъ выдающихся, неуспынный труженикъ и помощникъ генерала Кондратенко при укрѣпленіи позицій, и погибшій вмѣстѣ съ нимъ. Здѣсь же и лейтенантъ Поддурскій, изобрѣтатель ручной бомбы, оказавшій ея громадную услугу, связанную съ штурмами японцевъ на Высокую гору, — много сотенъ и тысячъ полегло японцевъ на склонахъ горъ вокругъ Артура, благодаря этому изобрѣтенію. И дальше все въ этой группѣ чудо-богатыри защиты Портъ-Артура. Половина ихъ не увидала родной земли, а другая половина осталась въ живыхъ, но почти всѣ ранены, контужены, изувѣчены...

Въ Портъ-Артурѣ. Въ день сдачи. Броненосецъ „Побѣда“ послѣ взрыва. По фот. подп. Я. Шишко, авт. «Нивы».

Вѣчный покой павшимъ на Дальнемъ Востоцкѣ за честь родины, и неувядаемая слава оставшимся въ живыхъ!

Въ Портъ-Артурѣ. На Высокой горѣ. Генераль Ирманъ вѣшаетъ «кресты» раненымъ нижнимъ чинамъ, возвращающимся послѣ перевязки въ строй. По фот. подполк. Я. Шишко, авт. «Нивы».

Глядя на фотографическіе снимки, снятые послѣ разгрома 6 госпиталя одиннадцати-дюймовыми бомбами, вспоминается весь ужасъ, который творился въ то время въ этомъ госпиталѣ. Снаряды одинъ за другимъ начали сыпаться по направленію сначала

Контръ-миноносець „Лейтенантъ Бураковъ“, потопленный японцами. По фот. подполк. Я. Шишко, авт. «Нивы».

къ Русско-Китайскому банку, падая то на площадь, то на улицы вокругъ госпиталя, а затѣмъ одинъ за другимъ начали попадать въ это зданіе. Раненые, которыхъ было нѣсколько сотенъ, въ ужасѣ убѣгали изъ госпиталя; иные — ползкомъ, съ страшными мученіями, старались скорѣе спуститься по лѣстницамъ внизъ и уползти въ 9 госпиталь или къ сосѣднимъ домамъ. Тяжело раненые, которые

не въ силахъ были ни подняться, ни двигаться, вопили о спасеніи. Всюду, среди треска громадныхъ снарядовъ, пробивавшихъ крышу, потолокъ и стѣны, потрясая воздухъ. Стоны и крики неслись всюду. Доктора, сестры милосердія и прислуга потеряли головы. — многие въ ужасѣ бѣжали, спасая свою жизнь... Но были между ними истинные герои: они, забывши собственную опасность, спасали раненыхъ подъ свистомъ осколковъ и сыпавшихся камней. Я видѣлъ, какъ одна сестра милосердія на своихъ плечахъ выносила раненаго офицера и сама была ранена. Въ этомъ разгромѣ нѣсколько докторовъ и сестеръ было ранено. Нѣсколько раненыхъ было убито, и еще разъ ранено...

Нѣтъ возможности опи-

Въ Портъ-Артурѣ. Похороны генерала Кондратенко. По фот. подполк. Я. Шишко, авт. «Нивы».

сать всего ужаса, постигшаго этотъ госпиталь.

*
**

Когда военный человекъ рѣшается на какой-либо подвигъ и совершаетъ его, то это не такъ удивляетъ всѣхъ, какъ подвигъ, совершенный частнымъ лицомъ.

Нѣсколько офицеровъ изъ Портъ-Артура разными путями пробирались въ армию генерала Куропаткина и возвращались назадъ. Всѣ они рисковали жизнью и всѣ они совершили подвигъ мужества. Но что сказать про частнаго человека, добровольно вступившаго въ ряды стрѣлковъ и затѣмъ тоже пробравшагося на шаландѣ изъ Артура въ Чифу, а оттуда въ главную армию, доставившаго генералу Куропаткину отъ генерала Стесселя пакеты и привезшаго обратно нужныя бумаги.

Въ Портъ-Артурѣ. Могилы генерала Кондратенко и полковника Науменко близъ укрѣпленія литера А, на берегу моря. По фот. подполк. Я. Шишко, авт. «Нивы».

Въ Портъ-Артурѣ. Отпѣваніе тѣлъ убитыхъ во время послѣднихъ штурмовъ Высокой горы пяти офицеровъ и 50 нижнихъ чиновъ. По фот. подполк. Я. Шишко, авт. «Нивы».

Такимъ героемъ былъ волонтеръ Левицкій, поступившій простымъ рядовымъ въ охотничью команду 28-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка. Много пришлось вынести ему во время этой поѣздки. Когда же онъ возвращался и былъ уже близко къ Артуру, то жизнь его висѣла на волоскѣ. Вдали уже былъ виденъ Артуръ, какъ вдругъ изъ бухты Луизы выплыли двѣ японскія миноноски и направились къ шаландѣ. Положеніе было критическое. Куда спрятаться? — Вездѣ найдутъ! Но китаецъ — хозяинъ шаланды — вмгъ придумалъ средство спасти пассажира и, положивъ его въ парусъ, закаталъ въ полотнище и поднялъ вверхъ. Японцы осмотрѣли шаланду, забрали всю живность, бывшую на ней, и отпустили. И Левицкій

благополучно прибылъ въ бухту Юдзатунъ и представилъ генералу Стесселю привезенныя бумаги.

При дальнѣйшей оборонѣ Портъ-Артура волонтеръ Левицкій все время былъ впереди съ охотничьими командами, исполняя обязанности офицера, и не разъ удивлялъ всѣхъ своей храбростью. Онъ былъ раненъ и награжденъ знакомъ военнаго ордена.

*
**

Каждый день въ Артуръ несли вѣсти съ позицій о гибели офицеровъ, на мѣстѣ сраженныхъ пуль или осколкомъ неприятельскаго снаряда, или же умершихъ въ госпиталѣхъ отъ ранъ и болѣзней. Товарищи соби-

рали оставшіяся вещи погибших и продавали их съ аукціоннаго торга.

Нерѣдко случалось, что одна и та же вещь продавалась нѣсколько разъ, такъ какъ покупавшіе ее сами погибали, и она вновь продавалась съ ихъ вещами.

Вырученныя отъ продажи деньги хранились въ полковыхъ денежныхъ суммахъ съ тѣмъ, чтобы по окончаніи войны ихъ отправить роднымъ погибшаго.

Трудно описать то чувство, которое охватывало душу каждаго на позиціяхъ подъ Артуромъ,—гдѣ почти ежедневно шли бои и никто не зналъ, доживетъ ли до другого дня,— когда появлялся священникъ и служить молебенъ подъ открытымъ небомъ. Радость, благоговѣніе наполняли душу, и мысль человѣческая съ вѣрой и надеждой неслась къ Богу.

И военные священники не жалѣли трудовъ: рискуя подчасъ жизнью, они являлись и на передовыхъ позиціяхъ, и на вершинахъ Ляотешана, и въ крѣпостныхъ окопахъ, и на батареяхъ. Вездѣ они не разъ вызывали своимъ словомъ слезу на тѣхъ глазахъ, на которыхъ она не появлялась даже при видѣ многихъ мученій и страданій.

На фотографіи изображенъ одинъ изъ такихъ молебновъ на Зеленыхъ горахъ наканунѣ боя: на склонѣ горы стоитъ пулеметъ вмѣсто аналая, на немъ лежатъ небольшая иконка и крестъ съ евангеліемъ, окружаютъ ихъ сплошнымъ кольцомъ стрѣлки, а батюшка 28-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка служить молебенъ. Всѣ горячо молятся... А между тѣмъ, изрѣдка вдали слышится выстрѣлъ, и японская пуля свиститъ надъ головами...

На другой день это мѣсто обогрелось человѣческой кровью, и много людскихъ душъ, молившихся здѣсь, унеслось въ вѣчность, къ подножію престола Всевышняго.

Три дня длился на этомъ мѣстѣ страшный, кровавый бой...

Почти каждый день по нѣскольку разъ въ Портъ-Артурѣ, подъ грохотъ орудій, трескъ неприятельскихъ снарядовъ и ружейную пальбу, по улицамъ слышались заунывные звуки военного оркестра, и мелодія: «Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ, когда мы вождя хоронили»—повторялась эхомъ въ развалинахъ домовъ, неслась къ позиціямъ и замирала въ горахъ, извѣщая всѣхъ, что новыя жертвы — и меньшей сѣрой братья, и вожди—несутся товарищами, чтобы погрузиться въ нѣдра земли... Такія шествія встрѣчались въ разныхъ мѣстахъ города, тинулись по дорогамъ, направляясь къ подножію горъ Ляотешана, чтобы увеличить число крестовъ на кладбищѣ, раскинушемся, подобно молодому тѣсу, на скатѣ горы... Живые артурцы провожали мертвыхъ, отдавали имъ послѣдній долгъ, и каждый не былъ увѣренъ, доживетъ ли до другого дня и не понесутъ ли и его по той же дорогѣ къ Ляотешану.

На одномъ изъ воспроизведенныхъ снимковъ мы видимъ похороны главнаго героя Артура — генерала Кондратенко, со смертью котораго у артурцевъ погибла надежда на дальнѣйшее сопротивленіе японскимъ штурмамъ. На другомъ снимкѣ — похороны пяти офицеровъ и 50 нижнихъ чиновъ, убитыхъ на Высокой горѣ. Много было такихъ грустныхъ шествій — ихъ не перечесть.

Въ Портъ-Артурѣ. Группа русскихъ и японскихъ офицеровъ въ день сдачи Портъ-Артура у гарнизоннаго собранія. По фот. арх. «Нивы».

На войнѣ.

(Отъ нашего специальн. корреспондента).

Мукденскій бой.

Замѣчательно, что, чѣмъ ближе къ тылу, гдѣ, конечно, гораздо безопаснѣе, чѣмъ въ передовой линіи, но зато нѣтъ уже дисциплины.—тѣмъ солдаты скорѣе поддаются чувству страха. Поэтому при отступленіи больше всего паника бываетъ въ обозахъ...

— А гдѣ же у васъ перевязочный пунктъ?—спрашиваю я, когда мы доходимъ до роши.

— А кто-жь его знаетъ. Робята сказывали, быдто здѣсь—въ рошѣ.

Я сдаю раненаго вмѣстѣ съ винтовкой санитарамъ, сидищимъ около фуръ Краснаго Креста, чѣмъ онъ остается очень доволенъ, а самъ иду обратно къ Сахедзѣ. Но приходится пройти мимо деревни Сяканза, куда уже стянулись всѣ обозы. Улицы и дворы полны ими. Случайно натыкаюсь на обозъ 1-го полка и у солдатъ спрашиваю, гдѣ коляска командира. Она оказывается въ ближайшемъ дворѣ. Самъ Мустафа идетъ мнѣ навстрѣчу и сейчасъ же обращается ко мнѣ со строгимъ выговоромъ:

Шанхай. Баракы, въ которыхъ помѣщались нижніе чины и рабочіе, прибывшіе послѣ сдачи Портъ-Артурса. По фот. подполк. Я. Шишко, авт. «Нивы».

Изъ Портъ-Артурса на пути въ плѣнъ. Группа офицеровъ въ палаткѣ близъ желѣзной дороги. По фот. подполк. Я. Шишко, авт. «Нивы».

— Вы, ваше высокоблагородіе, все ходите и ходите. Ныкогда толкомъ нѣ покушаете. Господа офицеры ожидали васъ, ожидали, и сами пообѣдали...

— А гдѣ офицеры?

Мустафа показываетъ на большую фанзу рядомъ. Я замѣчаю ее и иду въ Сахедзу.

— Опять уходите?—замѣчаетъ Мустафа и безнадежно машетъ рукою.

По грязнымъ дорогамъ черезъ болото непрерывное движеніе. Зарядные ящики, раненые, патронныя двуколки и опять раненые.

Въ Сахедзѣ въ третей фанзѣ нахожу Вигелева. Мы идемъ вмѣстѣ черезъ деревню, гдѣ

Въ Дальнемъ. Помѣщеніе плѣнныхъ офицеровъ. По фот. подп. Я. Шишко, авт. «Нивы».

уже много разрушенныхъ снарядами фанзъ, и поднимаемся на бортъ котловни, чтобы попытаться пройти въ Сяохетунъ, гдѣ находится Лешъ. Но это оказывается невозможнымъ. Вся мѣстность передъ нами страшно обстрѣливается. Насъ отъ Сяохетуня отдѣляетъ стѣна падающихъ снарядовъ.

Когда мы проходимъ обратно мимо фанзы, въ которой ночевали, Вигелевъ вспоминаетъ объ оставленныхъ тамъ китайскихъ стрѣлахъ. Эта фанза тоже разбита снарядами.

Возвращаемся въ занимаемую имъ фанзу. Тутъ незнакомые доктора другихъ полковъ, растерявшіеся со своими частями. Одинъ врачъ, командированный изъ Мукдена въ отрядъ Запольскаго... Всѣ они работаютъ теперь на пунктѣ у Вигелева.

Съ края деревни жестоко стрѣляетъ какаго-то батарея. На капѣ, закрытый съ

Что осталось от 1-го полка послѣ мукденскаго боя.

головой, лежитъ врачъ Р. Отъ каждаго выстрѣла все тѣло его вздрагиваетъ. Онъ нездоровъ.

Выпиваю стаканъ какао, налитаго мнѣ Вигелевымъ.

— Вы долго думаете остаться въ этой деревнѣ?—спрашиваю я. Онъ качаетъ головой.

— Думаю, что придется скоро убраться отсюда.

Я собираюсь уходить.

— Ночуйте здѣсь...

— Нѣтъ, мои вещи тамъ—въ слѣдующей деревнѣ. Тамъ и записки, и снимки, и прочее. Надо все это имѣть подъ руками... на всякій случай...

У окраины Сяканзы отдыхаютъ носильщики раненыхъ. Слышу ихъ разговоръ по моему адресу.

— Военный корреспондентъ...

— Мало что военный, да безъ погонь. Значитъ, никакой власти не можете доказать.

Начинаетъ темнѣть. Съ трудомъ нахожу фанзу, которую мнѣ указалъ Мустафа.

Офицеры пьютъ чай, а нѣкоторые уже спятъ. Я немедленно слѣдую примѣру вторыхъ. Остальные скоро тоже укладываются, и въ фанзѣ тушатъ свѣчу.

Сквозь окна видны слабые отблески костровъ. Какой-то глухой отдаленный шумъ заставляетъ прислушиваться и не даетъ уснуть.

Вотъ далеко, но отчетливо раздается ружейная трескотня... Она то затихаетъ, то становится рѣже, то опять усиливается и учащается.

— Кажется, стрѣляютъ,—говоритъ кто-то въ нашей фанзѣ.

— А пускай стрѣляютъ,—притворно равнодушнымъ тономъ отвѣчаетъ другой голосъ.

Другіе зѣваютъ, ворочаются съ бока на бокъ, и замѣтно, что никто не спитъ. Такъ проходитъ около часа.

Во дворѣ слышенъ шумъ шаговъ и голоса. Дверь нашей фанзы открывается, и вваливаются нѣсколько человекъ.

Кто-то зажигаетъ свѣчу, и мы видимъ доктора Вигелева со всемъ своимъ штатомъ врачей.

Они принуждены были уйти ночью изъ Сахедзы, потому что ружейная стрѣльба приблизилась къ самой деревнѣ.

Мы всѣ подымаемся и начинаемъ прислушиваться.

— Да и здѣсь не лучше,—говоритъ почтенный докторъ, оглядывая присутствующихъ поверъхъ своихъ очковъ.

Дѣйствительно, стрѣльба приближается и усиливается. Въ ночной тишинѣ кажется, что стрѣлки находятся уже въ сосѣднемъ дворѣ.

— Вотъ теперь какъ будто рѣже... Это что же значить?—обращается почтенный докторъ къ обществу съ вопросомъ, многозначительно глядя поверъхъ очковъ то на одного, то на другого.—А вотъ теперь чаще... Это что же, лучше? Какъ вы скажете?

Я вышелъ изъ фанзы. На улицѣ стрѣльба слышалась отчетливѣе, но не казалась такъ близко. Въ обозахъ уже многіе не спали, и около повозокъ въ темнотѣ замѣтно было движеніе.

Пройдя черезъ деревню, я вышелъ на сѣверную сторону. Здѣсь можно было не только слышать стрѣльбу вполне отчетливо, но и видѣть вспышки выстрѣловъ.

Со стороны японцевъ было темно. Атакующіе двигались въ тишинѣ.

Линія охвата становилась все уже и уже...

XIV. Ураганъ.

Морозное утро 24 февраля. Канонада уже началась. Выстрѣлы слышны съ юга, съ запада, съ сѣвера и даже съ сѣверо-востока, со стороны линіи желѣзной дороги. Отличить наши выстрѣлы отъ японскихъ уже нѣтъ возможности. Непріятель стрѣляетъ и фронтальнымъ, и фланговымъ огнемъ. Полеты снарядовъ встрѣчаются, пересѣкаются, шрапнели сыплются дождемъ, въ боевой суматохѣ поражая и враговъ, и своихъ.

Сѣверный отрядъ былъ окруженъ съ трехъ сторонъ, и, казалось, оставался единственныи путь отступленія къ Мукдену.

Несмотря на это—наступила минута, когда генералъ Ноги со своей арміей уже считалъ дѣло проиграннымъ. Если послѣ мукденскаго боя считали наши потери больше японскихъ, то до 24-го числа потери японцевъ были гораздо значительнѣе.

На южномъ фронтѣ ими сдѣлано было все, чтобы отвлечь вниманіе русскаго главнокомандующаго отъ запада. Это удалось, но нашъ сѣверный отрядъ, сосредоточившись въ районѣ башни Хауха и Императорскихъ могилъ, хотя и не получалъ подкрѣпленій, но держался стойко. Армія Ноги несла громадныя потери и, увлекаемая окруженіемъ съ сѣвера, сама могла быть ежеминутно отрѣзана отъ юга...

Въ виду этого, генералъ Ноги просилъ Оку дать ему дивизію въ подкрѣпленіе.

Къ 24-му числу дивизія подошла, и армія Ноги бросилась въ наступленіе съ новой силой.

Утромъ къ намъ пріѣхалъ изъ Мукдена какой-то офицеръ съ радостнымъ извѣстіемъ, что главнокомандующій сформировалъ отрядъ и лично ударить на лѣвый флангъ японцевъ.

Всѣ мы ожили духомъ. Вотъ, наконецъ, должно было совершиться то, чего каждый изъ насъ трепетно ждалъ. Армія Ноги, слишкомъ зарвавшаяся въ своей смѣлой операци, наконецъ, получить ударъ въ самое уязвимое мѣсто. Этотъ фланговый ударъ долженъ отразиться на всемъ его фронтѣ. Пользуясь замѣшательствомъ непріятеля отъ этого удара, нашъ отрядъ перейдетъ въ наступленіе, японцы не выдержатъ этого натиска и начнутъ отходить на Симинтинь. Тогда кавалерія праваго фланга, неизвѣстно гдѣ находившаяся до сихъ поръ, появится на полѣ сраженія, ударить на отступающихъ, и мы покажемъ японцамъ, какъ нужно преслѣдовать... Если же они будутъ отступать къ югу, для соединенія съ общимъ фронтомъ, мы будемъ бить ихъ во флангъ. Южная же армія, пользуясь замѣшательствомъ непріятеля вслѣдствіе неудачи, также перейдетъ въ наступленіе—и долгожданное слово «впередъ», наконецъ, огласитъ ряды нашихъ войскъ. Отъ одного удачнаго удара шансы и отношенія силъ сразу измѣнятся. Не будетъ слабovolныхъ, не будетъ трусовъ, сидящихъ въ тылу, подавленныхъ неудачами, не будетъ притворно-раненыхъ. Успѣхъ воодушевляетъ. Не нужно будетъ подбирать раненыхъ и отдѣлывать для этого четвертую часть здоровыхъ строевыхъ, потому что поле битвы при наступленіи будетъ оставаться въ тылу, гдѣ этимъ можетъ заняться медицинскій персоналъ при помощи китайцевъ...

Наибольшее сопротивление окажетъ армія Куроки, но будетъ имѣть дѣло съ 1-й арміей, которая уже показала ей свою силу, и армія Ноги. Но этотъ генералъ первый потерпитъ неудачу, его опасенія оправдаются, и онъ долженъ будетъ признаться, что такую смѣлую и рискованную операцию можно производить только съ очень нербительнымъ противникомъ.

Итакъ, самое интересное должно было произойти на правомъ флангѣ нашего отряда, т. е. къ сѣверу отъ деревни Синтайцзы.

Черезъ четверть часа мнѣ осѣдлали лошадь, и я, обогнувъ съ юга Императорскія могилы, поѣхалъ къ линіи желѣзной дороги, гдѣ по восточной сторонѣ должна была слѣдовать обходная колонна.

Поѣздъ за поѣздомъ двигались на сѣверъ, и ни одного съ сѣвера. Очевидно, станція эвакуировалась. Иначе и не могло быть, потому что она находилась въ центрѣ боевыхъ операций.

По всей западной сторонѣ слышенъ былъ непрерывный гулъ орудій. Близъ разъѣзда № 97, въ шести верстахъ отъ Императорскихъ могилъ и въ двѣнадцати отъ станціи, непріятельскіе снаряды перелегали черезъ полотно дороги и рвали на западной сторонѣ. Въ окнахъ вагоновъ поѣзда и на площадкахъ, биткомъ набитыхъ людьми, замѣтно было, что пассажиры чувствуютъ себя весьма непріятно.

Я переѣхалъ черезъ желѣзнодорожную насыпь и сразу наткнулся

Послѣ мукденскаго боя. Весь составъ офицеровъ 1-го полка (4 человекъ) и командиръ полка Лешъ со знаменемъ, у котораго вершина въ копѣ пробита пуль.

Главный инженер фушунских копей Л. Нотомбъ, начальник охраны фушунской вѣтки ротмистръ Д. В. Лоховъ и младшіе офицеры охраны.

на скрытыя за ней пѣхотныя части. Надо было полагать, что это есть обходная колонна, остановившаяся для отдыха, но оказалось, что это были резервы. Далѣе, вдоль насыпи, стояли обозы и походныя кухни. Тутъ было сравнительно спокойно. Снаряды падали далѣе и высокая насыпь служила хорошимъ прикрытіемъ, но зато по дорогамъ двигались другія части, и это движеніе навело на тревожныя догадки.

Шли обозы четырьмя колоннами. Всѣ они шли на сѣверъ, и движеніе ихъ было, выражаясь деликатно, довольно торопливое и безтолковое. По правдѣ сказать, и снаряды падали тутъ довольно близко.

Въ общей суматохѣ повозки, слѣша впередъ, сдѣлались, опрокидывались... Весь путь былъ загроможденъ поломанными и брошенными повозками.

Какія-то пѣхотныя части, обходя занятую обозами дорогу, бредутъ на сѣверъ. Безъ разспросовъ видно, что это отступающіе.

Сторонкой идетъ, сохраняя строй, рота пограничниковъ. Я приближаюсь къ нимъ и слышу, что кто-то меня окликаетъ. Впередъ строя идетъ въ своемъ солдатскомъ полубублѣ ротмистръ Лоховъ. Онъ со своей ротой раньше охранялъ фушунскую вѣтку.

Я схожу съ лошади, и мы обнимаемся, какъ это принято здѣсь, гдѣ люди очень скоро узнаются и очень скоро сходятся.

— Вы цѣлы? — задаемъ мы другъ другу одновременно одинъ и тотъ же вопросъ, потому что въ эти дни каждый ежедневно терялъ по нѣсколько друзей и знакомыхъ.

— Значитъ, фушунская вѣтка уже очищена? — задаю второй вопросъ уже я.

— Сегодня ночью.

На ротмистрѣ, какъ на охранявшемъ линію, лежала обязанность ее и очистить. Это значило, проходя по всей линіи (ни одного поѣзда на вѣткѣ уже не было), постепенно снимать всѣ посты его роты. Въ это время въ районѣ линіи уже появились японскіе развѣдывы. Второй и третій корпуса утромъ 23-го, пересѣкая линію, уже отошли по направленію къ Фушуну. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве въ нашемъ западномъ отрядѣ еще не было извѣстно. Хотя это и было частичное отступленіе, для *выравниванія фронта*, но на самомъ дѣлѣ это уже было началомъ отступленія, и плоды его уже были видны: въ тылу уже начиналась паника.

Удачное очищеніе фушунской вѣтки было дѣломъ не легкимъ, потому что направленіе линіи отъ станціи Сахетунъ идетъ на востокъ, заворачивая нѣсколько на сѣверъ. Это вѣтка не стратегическая, потому что иначе ей не придали бы такого направленія, и проведена специально для фушунскихъ, кстати сказать, богатѣйшихъ въ мірѣ, каменноугольныхъ копей.

По разказу ротмистра, подвижной составъ былъ увезенъ ночью на 23-е число. Утромъ 23-го на вѣткѣ оставался только онъ со своими людьми и нѣсколько телеграфистовъ.

Начальникомъ военныхъ сообщеній генераломъ Забѣлинымъ было приказано по телеграфу оставаться до тѣхъ поръ, покуда работаетъ телеграфъ. Получались телеграммы въ 1-ю армію и со станціи передавались летучей почтой изъ трехъ казаковъ въ городъ Фушунъ, гдѣ находился штабъ Линевица.

Наконецъ, телеграфъ сталъ шалить. Получались сообщенія на

незнакомомъ ключѣ. На вопросы телеграфиста отвѣты были непонятны. Тогда онъ заявилъ ротмистру, что телеграфное сообщеніе съ Мукденомъ прервано. Оставалось уходить. Но послѣддокъ опять нашимъ ключомъ было передано: «Уходите отсюда, куда цѣлы. Поручикъ такой-то». Слѣдовала японская фамилія, что-то въ родѣ Микрококи.

Тогда ротмистръ Лоховъ собралъ своихъ людей, и всѣ пошли по линіи, снимая охрану. На послѣднемъ развѣздѣ стояли груженныя и оставленныя платформы. Еще далѣе они наткнулись на паровозъ, собиравшійся уходить. Ротмистръ предложилъ машинисту забрать всѣ платформы. Своихъ людей онъ посадилъ на нихъ же, и поѣздъ бѣшенымъ аллюромъ помчался къ Мукдену. Это былъ послѣдній поѣздъ. Дѣло происходило уже ночью на 24-е число. Въ Гудзядзахъ горѣли склады.

— А гдѣ нашъ милѣйшій Нотомбъ?

— Онъ выѣхалъ вчера утромъ походнымъ порядкомъ прямо на Мукденъ. Онъ потерялъ все свое имущество.

Люсьенъ Нотомбъ — главный инженеръ фушунскихъ копей, широкимъ гостеприимствомъ котораго мы пользовались во время нашего пребыванія на коныхъ. Онъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь, былъ увѣренъ въ успѣшности нашихъ операцій на шахейскихъ позиціяхъ. Главнокомандующій, прѣзжавшій на кони, говорилъ: «Работайте спокойно, этихъ позицій мы никогда не отдадимъ».

Какъ специалистъ по горному дѣлу, онъ придавалъ фушунскимъ копамъ громадную цѣнность. Онъ всегда говорилъ, что изъ-за однихъ только фушунскихъ копей нужно держаться въ Манчжуріи.

Небезынтересно привести пару цифръ, дающихъ наглядное понятіе о подземныхъ богатствахъ Фушуна.

Пласть каменнаго угля имѣетъ *семнадцать сажень толщины*. Условіе безпримѣрное въ каменноугольномъ дѣлѣ.

Пласть этой, по изслѣдованіямъ, произведеннымъ *покуда*, имѣетъ протяженіе на *двадцать пять верстъ*, но, вѣроятно, и больше.

При широкой эксплуатаціи можетъ вырабатываться *до одного миллиона* пудовъ угля *въ день*.

Въ прежнія времена копи разрабатывались еще корейцами, и слѣды ихъ работъ можно видѣть теперь. Но и до послѣдняго времени работы велись варварскимъ китайскимъ способомъ, при которомъ добыча была мизерная сравнительно съ тою, какою она могла быть (около 4.000 пудовъ въ день).

Инженеръ Нотомбъ ввелъ европейскую систему эксплуатаціи. Незадолго до мукденскаго боя въ Фушунѣ были привезены новѣйшія машины... Ихъ выгрузили, но установить такъ и не пришлось. Этимъ дѣломъ уже занялись японцы...

Покуда мы съ ротмистромъ разговаривали, мимо насъ послѣдно продолжали двигаться отступающія пѣхотныя части, — обозы и артиллерійскіе резервы.

Вотъ скачутъ ѣздовые на лошадахъ съ обрубленными постромками... Ротмистръ приказываетъ имъ остановиться, угрожая револьверомъ. Изъ ихъ разспросовъ узнаемъ, что они 6-го корпуса, что на разсвѣтѣ они были окружены и вся артиллерія пропала вмѣстѣ съ парками. Всѣ эти разказы были сильно преувеличены и являлись послѣдствиемъ развившейся паники.

Люсьенъ Нотомбъ, главный инженеръ фушунскихъ копей, у входа въ штольню.

На самом дѣлѣ, весь южный фронтъ медленно отходилъ или, вѣрнѣе, долженъ былъ въ порядкѣ отходить на новыя позиціи безъ участия неприятеля. Японцы въ этотъ день совершенно прекратили атаки на южный фронтъ — на арміи Бильдерлинга и Линевича.

Вздовымъ и повозкамъ ротмистръ приказываетъ ѣхать шагомъ и не производить суматохи.

Между тѣмъ, падающіе вблизи снаряды заставляютъ насъ самихъ отойти въ деревню, лежащую къ востоку.

Рота пограничниковъ слѣдуетъ за нами.

Здѣсь уже сидятъ группы солдатъ.

Съ лѣваго края деревни большая группа плѣнныхъ японцевъ охраняется конвойными. Между ними есть и китайцы — хунхузы.

Но странно, что среди группы сидятъ какіе-то кавказцы. Конвойные объявляютъ, что это тоже плѣнные...

На наши вопросы они отвѣчаютъ только, что они осетины и служили у японцевъ. На дальнѣйшіе вопросы, откуда они, какъ и почему попали къ японцамъ, отвѣчать отказываются.

Но безъ насъ они цинично говорили конвойнымъ: «А ловко мы васъ били...»

Затѣмъ рассказывали, что состояли у японцевъ на жалованьи, расчетъ получали серебромъ и довольно щедро.

Вѣрнѣе всего, что они изъ тѣхъ кавказцевъ, бывшихъ селенныхъ, которымъ послѣ отбитія наказанія разрѣшено жить въ Манчжуріи. Ихъ было много въ Ляоянѣ, въ Мукденѣ, и теперь ими кишитъ Харбинъ. Это самый ненадежный и неприятный элементъ населенія.

Изъ 147 человекъ всѣхъ плѣнныхъ — 85 японцевъ (видъ у нихъ весьма потрепанный, нѣкоторые безъ шинелей, погоны оторваны, что они дѣлаютъ, чтобы нельзя было узнать, какой они части), затѣмъ 11 человекъ осетинъ, а остальные — хунхузы.

Отдохнувъ съ полчаса, рота пограничниковъ со своимъ командиромъ, въ силу полученныхъ приказаній, двинулась къ станціи Хунтай. Я проѣхалъ еще версты двѣ на сѣверъ. Картина все та же: безконечныя колонны отступающихъ и резервы, расположенныя у насыпи полотна. Ни о какомъ обходномъ отрядѣ здѣсь никто не знаетъ и прохожденія такового никто не видѣлъ. Оставалось предположить, что онъ прошелъ западной сторонной дороги, мимо могилъ къ деревнѣ Синтайцзы.

Между тѣмъ, время было уже за полдень.

Начался ураганъ...

Я рѣшилъ вернуться къ своему отряду.

Это былъ ужасный день. Послѣ полудня поднялся страшный вѣтеръ. Южный тайфунъ подымалъ къ чистому, безоблачному небу бурныя тучи песка, которыя закрывали солнце.

Свѣтлый день сталъ темнѣть. Но это не было похоже на вечеръ или на ненастье. Это даже не была гроза, которая освѣжаетъ. Это была желтая непроницаемая для зора удушливая пелена, которая, закрывъ солнце, окутала собою все поля, окружающія старый Мукденъ. На разстояніи двухъ шаговъ уже нельзя было видѣть человека. Временами дикій ураганъ приостанавливался на мѣстѣ, собиралъ стопами тучи песка и пыли, солнце открывалось, и на равнинѣ показывались крутящіеся и несущіеся къ сѣверу смерчи...

Въ эти часы рѣшалась участь десятидневнаго мукденскаго боя.

Армія Ноги, получивъ подкрѣпленія, съ новой силой обрушилась на сѣверный отрядъ. Но всѣ ихъ бѣшенныя атаки на деревню Синтайцзы (сѣвернѣе могилъ) были отбиты. Въ Сюхетунѣ держался полковникъ Лешъ. Подъ его начальство кромѣ 1-го полка

поступили полки Великолущій и Самарскій съ тремя батареями. Командиръ Самарскаго полка князь Макаевъ былъ убитъ.

Отрядъ полковника Леша занималъ правымъ флангомъ, — Великолущимъ полкомъ и артиллеріей, деревню Сюхетунъ, а лѣвымъ флангомъ, — 1-мъ полкомъ и самарцами, деревню Фансытунъ и Безымянную, общимъ фронтомъ на сѣверо-западъ. Съ утра японцы артиллерійскимъ огнемъ подготовили атаку. Послѣ полудня, когда начался тайфунъ, густыя цѣпи желтыхъ халатовъ, какъ живой ураганъ — въ тучахъ песку бросились въ атаку, стараясь пробиться между деревнями Сюхетунъ и Фансытунъ. Но изъ правой деревни 1-ая батарея капитана Ратькова засыпала ихъ дождемъ шрапнели. А за ними новыя цѣпи, какъ неудержимый тайфунъ, неслись впередъ, падали и засыпались пескомъ урагана. Изъ труповъ и раненыхъ японцы дѣлали брустверы и держались за ними подъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, покуда сами своими тѣлами не увеличивали гряды павшихъ.

Всѣ послѣднія силы утомленныхъ бойцовъ были напряжены въ эти часы. Храбрость, рѣшительность и самопожертвованіе, всѣ эти качества войны обнаружены въ той высшей степени, на которую только способенъ человекъ. Всѣ остальные чувства, присущія человеку: страданіе, жалость, самосохраненіе, были забыты въ эти минуты. Не было даже остервененія, не было даже воли: человекъ превратился въ механическую силу, и все движеніе «впередъ» стало такимъ же стихійнымъ, какъ и тайфунъ.

Въ первомъ полку изъ двухъ тысячъ ста тридцати человекъ нижнихъ чиновъ осталось триста. Изъ семидесяти офицеровъ — десять. У полкового знамени была пробита пулей верхушка копыя. Знаменщикъ былъ убитъ, но полкъ держался, нанося неприятелю вторе большія потери.

Стянувшая линія японскаго охвата отъ Синтайцзы до Юхуантуна не въ силахъ была двинуться дальше.

Всѣ атаки къ вечеру были отбиты. Послѣднія нечеловѣческія усилія были сломлены на этихъ позиціяхъ.

Между тѣмъ въ деревнѣ Синтайцзы только удержали позицію, а объ обходѣ лѣваго фланга японцевъ не было ничего извѣстно. Это дѣло не удалось. Благоприятное время было потеряно. Энергичный генералъ Ноги къ утру могъ получить новыя подкрѣпленія и отбросить, наконецъ, раставшій сѣверный отрядъ къ Мукдену.

Къ вечеру въ штабѣ главнокомандующаго были получены извѣстія, что японцы тѣснятъ нашъ южный фронтъ въ районѣ селенія Кіузанъ, и что значительно сѣвернѣе Синтайцзы появилась съ востока неприятельская кавалерія и артиллерія. На самомъ дѣлѣ на сѣверѣ успѣлъ проникнуть лишь одинъ эскадронъ съ горной батареей, а свидѣнія съ юга были преувеличены. Кромѣ того у японцевъ уже былъ недостатокъ въ снарядахъ.

Но все это оказалось только потомъ, а въ эти моменты передъ глазами офицеровъ штаба стоялъ все тотъ же грозный призракъ, который съ Вафангоу преслѣдовалъ русскую армію — призракъ обхода.

Къ вечеру на сѣверо-западномъ фронтѣ неприятельскія атаки прекратились... Ураганъ затихъ. Позиціи были удержаны, но положеніе сѣвернаго отряда становилось тяжелымъ. Ждали подкрѣпленій, но ихъ не было. О продолженіи операцій въ штабѣ уже никто не думалъ.

Исходъ мукденскаго боя былъ уже рѣшенъ приказомъ главнокомандующаго.

Въ 10 часовъ вечера было назначено общес отступленіе...

В. Табуринъ.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разерочки подписной платы за „Ниву“ сего 1905 г., къ 1 іюня слѣдовало внести **не менѣе 6 руб.**, а гг. новымъ подписчикамъ, выписавшимъ и первыя 20 книгъ соч. А. К. Шеллера-Михайлова, — **не менѣе 9 руб.**

Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, слагволятъ поэтому заботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала **съ 27 номера (отъ 9 іюля)**. При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики слагволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ **№. печатнаго адреса съ бандероли, или прилагать самый адресъ.**

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Волченко. Повесть П. П. Гнѣдича. (Продолженіе). — Въ Портъ-Артурѣ. — На войнѣ. (Отъ нашего спеціального корреспондента). —

Заявленіе. — Объявленія.

Р И С У Н К И: Въ Портъ-Артурѣ. 1) Разгромъ 6-го госпиталя. 2) Група, снятая на позиціи около штаба 5 вост.-сиб. стрѣлк. полка во время послѣднихъ штурмованій японцами Высокой горы, 19 ноября 1904 г. 3) Група въ сводномъ госпиталѣ. 4) Участники обороны 10 главъ съ командантомъ крѣпости генераломъ Смирновымъ. 5) Въ плѣнъ. Група офицеровъ, служащихъ и жителей Портъ-Артура на пароходѣ „Гималай“. 6) Подъ скалою у деревни Мончангово. 7) Разгромъ 6-го госпиталя и госпиталя церкви. 8) Мелебенъ передъ боемъ на Зеленыхъ горахъ. 9) На пути въ Портъ-Артуръ. 10) Церковь, разбитая снарядомъ. 11) Гвантунская дружина. 12) Могилы павшихъ у Высокой горы. 13) На Высокой горѣ, послѣ отбитія позиціи, занятыхъ японцами. 14) Баракъ начальнаго отряда на вершинѣ Ляотешана. 15) Бухта Юдзятунъ. 16) Подводная лодка. 17) На высотѣ 218 саженъ. 18) Безпроволочный телеграфъ на Ляотешанѣ. 19) Китайская шалада. 20) Пробина въ госпиталѣ № 6. 21) Домикъ на Ляотешанскомъ маякѣ. 22) Палуба „Амура“, потопленнаго во день сдачи крѣпости. 23) Видъ съ броненосца „Севастополь“ на броненосецъ „Ретвизанъ“, на второй день послѣ боя 28 іюля. 24) Продажа съ аукціона вещей убитаго офицера. 25) На Высокой горѣ. Генералъ Ирманъ вѣшаетъ кресты раненымъ нижнимъ чинамъ, возвращающимся послѣ перевязки въ строй. 26) Контръ-миноносецъ „Лейтенантъ Бураковъ“, потопленный японцами. 27) Въ день сдачи. Броненосецъ „Побѣда“ послѣ взрыва. 28) Похороны генерала Кондратенко. 29) Могилы генерала Кондратенко и полковника Науменко близъ укрѣпленія литеры А, на берегу моря. 30) Отпѣваніе тѣлъ убитыхъ во время послѣднихъ штурмовъ Высокой горы гвѣ офицеровъ и 50 нижнихъ чиновъ. 31) Група русскихъ и японскихъ офицеровъ въ день сдачи Портъ-Артура у гарнизоннаго собранія. — Шанхай. Баракъ, въ которыхъ помѣщались нижніе чины и рабочіе, прибывшіе послѣ сдачи Портъ-Артура. — Изъ Портъ-Артура на пути въ плѣнъ. — Въ Дальнемъ. Помѣщеніе плѣнныхъ офицеровъ. — Что осталось отъ 1-го полка послѣ мукденскаго боя. — Послѣ мукденскаго боя. — Главныя инженеръ Фушунскихъ копей Л. Нотомбъ, начальникъ охраны фушунской вѣтки ротмистръ Д. В. Лоховъ и младшіе офицеры охраны. — Лусьенъ Нотомбъ, главный инженеръ фушунскихъ копей у входа въ штольню. Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за іюнь 1905 г., 2) „ПАРИЖСкія МОДЫ“ за ІЮНЬ 1905 г., съ 27 рис. и отдѣльн. листъ съ 31 черт. выр. въ натур., велич. и 23 рис. руководѣльныхъ работъ.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.